

СКАЗКИ

З. Понелиуса

Государственное издательство Карело-Финской ССР 1948

СКАЗКИ По Пелюса

в обработке
Алюбарской

стихи
С. Хмельницкого

рисунки
В. Фирсовой
обложка и титул
В. Конашевича

Государственное Издательство
Карело-Финской ССР
Петрозаводск
1 9 4 8

Редактор **З. ЗАДУНАЙСКАЯ**

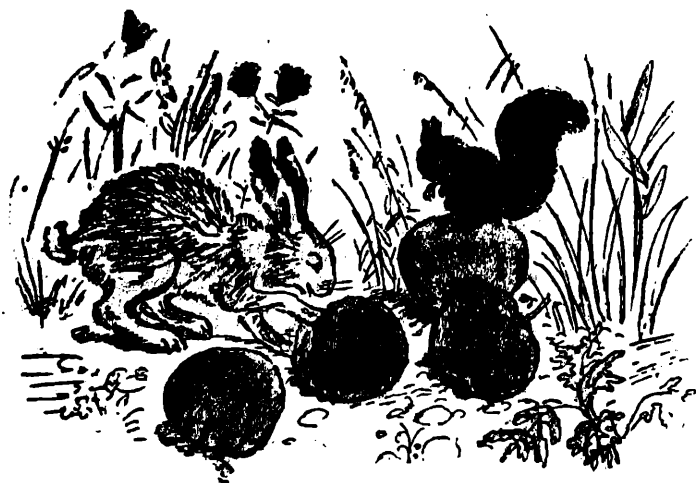
Подписано к печати 17 мая 1948 г. 6 печ. л. 5 уч.-авт. л. Бум. Архангельского
бумкомбината 70х92¹/₁₆, тир. 75000

Госиздат К-ФССР № 55.

Заказ № 407.

Е-00534. Цена 5 руб.

Переплёт 1 руб.

ДВАЖДЫ ДВА — ЧЕТЫРЕ

Заяц и белка были очень дружны. Они запросто называли друг друга по именам: белка звала зайца Косым, заяц белку — Рыжехвостой. Мало того, они были даже на „ты“.

Весь день друзья проводили вместе и расставались только на ночь. Да и то заяц спал всегда под корнями той самой ели, на которой белка устроила себе гнездо.

Каждое утро, чуть только Косой и Рыжехвостая открывали глаза, они торопились сказать друг другу: „Доброе утро!“ А вечером они никогда не засыпали, не сказав друг другу: „Спокойной ночи! Приятного сна!“

Поэтому нет ничего удивительного в том, что сны им снились самые что ни на есть приятные: Косой видел во сне

свою рыжехвостую подругу и высоченные горы моркови и капусты, а рыжехвостая белка видела во сне своего раскосого товарища и густые заросли ореховых кустов — только тронь лапкой веточку, спелые орешки так и посыплются.

Правда, днем Косой и Рыжехвостая никак не могли найти эти ореховые заросли, а морковные горы точно сквозь землю проваливались, но всё-таки друзья нисколько не унывали.

В это утро Косой и Рыжехвостая проснулись в особенно хорошем расположении духа.

— С добрым утром, Косой, — сказала белка, помахивая пушистым хвостом.

— С добрым утром, Рыжехвостая, — ответил заяц, хлопывая лапками по ушам. — Как тебе спалось? Надеюсь, что никто не потревожил тебя во сне?

— Благодарю тебя, я отлично провела ночь, — сказала белка. — Правда, сквозь сон я слышала, как лаял Шарик, но я не обратила на это никакого внимания.

— Еще бы! Кто же обращает внимание на Шарика, — небрежно сказал Косой. При этом его коротенький хвостик слегка задрожал, а глаза стали косить еще больше. — Шарика бояться нечего, даже если бы он был ростом с лошадь.

— Шарик ростом с лошадь! Вот смешно! — воскликнула белка. — Но послушай, Косой, не пойти ли нам сегодня на промысел? От моих запасов уже почти ничего не осталось.

— Что же, я не прочь, — ответил Косой.

Сказано — сделано. И друзья отправились в путь.

Всё, что они находили, они делили между собой по-братски. Косому доставалось ровно столько, сколько белке, — не больше и не меньше, а белке ровно столько, сколько Косому, — не меньше и не больше.

Когда им попадалась на пути рябина, белка взбиралась на дерево и сбрасывала красные ягоды Косому — ровно столько, сколько съедала сама, не больше и не меньше. Когда же им случалось проходить мимо капустного поля,

Косой отгрызал сочные кочерыжки и приносил их Рыжехвостой — ровно столько, сколько съедал сам, не меньше и не больше.

Друзья очень хорошо позавтракали и собирались уже вернуться в лес, как вдруг увидели на дороге четыре больших, румяных яблока.

Это было прямо как во сне! Косой и Рыжехвостая глазам своим не верили. Откуда могли взяться на дороге эти яблоки?

Они хорошенько обнюхали их со всех сторон, попробовали на зубок, даже покатали по земле. Яблоки были самые настоящие, как ни верти!

Конечно, Косой и Рыжехвостая многого не знали, поэтому они так удивились.

Они не знали, что рано утром по этой самой дороге шел Карлуша. Он шел в школу, и за спиной у него был мешочек, в котором лежали четыре больших, румяных яблока. Эти яблоки Карлуша получил от матери в награду за хорошие отметки.

Да вот беда, мешочек был дырявый, — об этом не знал даже Карлуша, не то что Косой и Рыжехвостая, — и через дыру все яблоки выкатились на дорогу.

Как бы то ни было, Косой и Рыжехвостая нашли эти яблоки и принялись их делить.

— Это очень трудное дело, — сказала белка. — Давай-ка сначала попробую я. Всё-таки я немного старше тебя, да к тому же и считаю лучше.

— Изволь, — согласился заяц, хотя по совести говоря, он не понимал, почему так трудно поделить четыре яблока.

Но недаром белка была старше зайца на целых двадцать четыре часа. Она сразу сообразила, что разделить поровну крупные, сладкие яблоки вовсе не так просто, как разделить жесткие кочерыжки или горькие рябиновые ягоды.

Она долго раздумывала, прикидывала то так, то этак, и, наконец, задача была решена: Косой получил одно яблоко, а белка — три.

— Погоди, — сказал Косой неуверенно, — может быть, я считаю и хуже тебя, но, по-моему, на этот раз ты всё-таки ошиблась. Дай-ка попробую я.

И он сам взялся за дележ.

Тут только Косой понял, как трудно не ошибиться, когда делишь яблоки. Он долго тер лапками лоб и уши, и это в конце концов помогло. Яблоки были поделены, как надо: белка получила одно яблоко, а заяц — три.

— Нет, постой, — сказала белка. — Мне кажется, что ты тоже ошибся. Давай попробуем еще раз.

Конечно, Косой и Рыжехвостая были не очень сильны в арифметике, но всё-таки оба они отлично понимали, что одно яблоко это меньше, чем три, а три яблока больше, чем одно. И они снова стали ломать себе головы, раздумывая над тем, как бы поделить эти яблоки совсем поровну.

А тем временем Карлуша шел себе в школу, всё дальше и дальше. Солнце уже изрядно припекало, и ему захотелось полакомиться яблочком. Карлуша запустил руку в свой мешочек... Но напрасно он шарил в нём — он нашупал только дыру.

„Наверное, выкатились на дорогу“, — подумал Карлуша и тяжело вздохнул. Ему было очень жалко яблок.

— А ну-ка, вернись я немного назад, — решил он. — Солнце стоит еще невысоко, в школу я не опоздаю.

И он быстро зашагал по дороге к дому.

Но не прошел Карлуша и ста шагов, как вдруг увидел зайца и белку. Они сидели у самого края придорожной канавы и пытались что-то выудить со дна.

— А, Косой! Рыжехвостая! Здорово! — окликнул их Карлуша. — Скажите, друзья, не видали ли вы моих яблок?

— Нет, твоих не видали. Но у нас есть свои. Да вот, кстати, не поможешь ли ты нам разделить поровну четыре яблока. Сколько уж времени мы бьемся и всё-таки не можем поделить их так, чтобы одному досталось столько же, сколько другому, — не больше и не меньше.

— Ну, это совсем просто, — сказал Карлуша. — Каждому следует по два яблока.

— Да неужто!—воскликнули Косой и Рыжехвостая в один голос.—Откуда ты это знаешь?

— Как же мне не знать, что четыре разделить на два—два, а дважды два—четыре,—важно сказал Карлуша.—Это проще простого. Не забывайте, что я хожу в школу.

— Это прямо невероятно!—Косой и Рыжехвостая не могли придти в себя от удивления.—Разве в школе учат, что дважды два—четыре?

— В школе всему учат,—сказал Карлуша.

— Подумать только! И ты всё знаешь?

— Да, почти всё. Я считаю свободно до семью семь, но дальше немного сбиваюсь.

Косой и Рыжехвостая смотрели на него во все глаза и не могли надивиться такой премудрости. Они решили тотчас последовать умному совету, быстро подобрали яблоки из канавы и принялись их делить по всем правилам арифметики.

— Да ведь это же мои яблоки!—закричал Карлуша.

— Подумать только, он и это знает!—сказала Рыжехвостая.—Этот мальчик, наверное, знает всё на свете!

— Как хорошо было бы попасть в школу и стать таким же ученым, как он,—пролопотал заяц.

— Ну что ж, пойдемте со мной,—сказал Карлуша.—Только уговор дороже денег: в классе вы будете сидеть смирно, потому что в классе никому не позволяют шуметь, даже Шарику.

— А разве его пускают в класс?—спросил заяц, и его короткий хвостик опять задрожал, а глаза забегали в разные стороны.

— Нет, вообще-то его в класс не пускают. Ну, а если он украдкой и заберется под парту, так ведь бояться-то его нечего.

— Еще бы,—сказала белка.—Кто же боится Шарика! Тем более, что его не пускают в класс.

— Мы, кажется, не трусы,—важно сказал заяц.—Ну, а если Шарик всё-таки вздумает кусаться?

— Да он и кусаться-то не умеет, — сказал Карлуша. — Он совсем добрый. Даже когда я тяну его за хвост, он только смеется.

— Смеется? — Косой и Рыжехвостая переглянулись.

Они никогда не слышали чтобы собаки смеялись. Но чему только не научишься в школе!

И друзья решили непременно идти с Карлушей.

Они пришли в школу еще до звонка.

На крыльце Карлуша в раздумье остановился.

— Вот что, друзья, — сказал он наконец. — Залезайте-ка в мой мешочек, так будет лучше. Учитель у нас очень строгий. Еще чего доброго рассердится, когда увидит вас.

Косой и Рыжехвостая усмехнулись.

„Кажется этот мальчик не храброго десятка“, — подумали они. Но без лишних слов полезли в мешок.

Когда Карлуша вошел в класс, звонок только-только прозвонил, и все усаживались по местам.

Карлушино место было в самом последнем ряду, возле стены. Никто не обратил внимания на его мешочек, и Карлуша благополучно пристроил его под скамейкой

Скоро пришел учитель.

Учитель постучал карандашом по столу, и в классе сразу стало очень тихо.

— Сегодня мы будем повторять таблицу умножения, — сказал учитель. — Ну-ка, кто мне скажет, сколько будет восемью восемь?

„Ого, это помудрнее, чем дважды два“, — подумали Косой и Рыжехвостая и наострили уши.

Кто знает, может быть, заяц и белка выучили бы таблицу умножения не хуже самого Карлуши, если бы они просидели в классе, — хотя бы даже под скамейкой, — весь урок до конца.

Но случилось по-другому.

Пока учитель перелистывал классный журнал и решал, кого из учеников он вызовет, дверь чуть-чуть приоткрылась, и в класс проскользнул Шарик.

По всему его виду можно было сразу догадаться, что

его не раз выгоняли отсюда. Хвост у него был поджат, глаза бегали во все стороны. Он припал к полу и неслышно полз на брюхе вдоль стены.

Ему удалось благополучно добраться до первой скамейки. Теперь самая опасная часть пути была позади. Оставалось только проползти под скамейками в дальний конец класса, ну, а уж это было проще простого.

Наконец, Шарик добрался до последнего ряда и приготовился вместе со всеми повторять таблицу умножения. Он мог не опасаться, что получит двойку, — учитель частенько выгонял его из класса, но никогда не вызывал к доске и не ставил ему отметок. Поэтому Шарик, как ни в чем не бывало, разлегся у Карлушиных ног, насмешливо поглядывая, как беспокойно ёрзали на своих местах ученики.

И вдруг Шарик насторожился. Он почуял что-то недоброе. Шерсть у него стала торчком, он поднял уши и заворчал.

Это была большая оплошность с его стороны. Но ведь всякая собака — в душе охотничья собака, да и заворчал-то Шарик совсем тихо.

Но учитель сразу услышал его.

— Ты опять здесь, Шарик! — закричал он. — Сейчас же убирайся вон!

Конечно, самое лучшее было бы послушаться и уйти. В другое время Шарик так бы и сделал, — он знал, что учителя должны слушаться все без исключения. Но на этот раз Шарик словно не слышал, что ему говорили, и, забыв все правила школьного поведения, он залился яростным лаем.

Под скамейкой началась отчаянная возня, и вдруг на середину класса стремглав выскочил заяц, а за ним — вприпрыжку — белка.

К счастью, окно было открыто. И это было спасением для Косого и Рыжехвостой.

Ну и бросились же они улепетывать!

Со скамейки на скамейку, с парты на парту, со стола на подоконник, с подоконника во двор, а там — шмыг за ворота и прямо на дорожку.

А вдогонку за ними, звонко таякая, как настоящая гончая, неся Шарик.

В классе поднялся такой переполох и шум, какого и на перемене не бывает. Все бросились к окну. Даже учитель и тот забыл про таблицу умножения.

До конца урока только и было разговора, что о зайце с белкой, и никто на этот раз так и не ответил учителю, сколько будет восемью восемь.

А тем временем Шарик не давал передышки Косому и Рыжехвостой.

Еще три прыжка, и он схватит их. Но тут, на несчастье Шарика, начинался лес.

Белка мигом вскарабкалась на первую попавшуюся сосну и исчезла в густых ветвях, махнув перед самым носом Шарика своим пушистым хвостом.

Это было так обидно, что Шарик чуть не задохнулся от лая. Он кружился вокруг дерева, отчаянно скреб лапами ствол, рычал и даже скалил зубы, но теперь Рыжехвостая нисколько его не боялась и только посмеивалась над ним.

А пока Шарик прыгал под сосной, Косой, не теряя времени даром, скрылся в лесной чаще.

Так Шарик и вернулся домой ни с чем.

Ему было очень стыдно, и целый день он старался никому не показываться на глаза. Если бы он умел, он наверное заплакал бы от обиды.

Заяц и белка тоже весь день не показывали никуда носа.

„И чего это Косой бросился улепетывать? — думала белка, забившись поглубже в свое гнездо. — Ведь Шарик даже не лаял, он просто смеялся“.

„Эта белка — порядочная трусиха! — думал заяц, притаившись под кустом. — Ведь Карлуша сказал, что Шарик не кусается, даже если его потянуть за хвост“.

Первый раз за всю жизнь Косой и Рыжехвостая легли спать, не пожелав друг другу спокойной ночи и приятного сна. Может быть, поэтому и сны в эту ночь им снились самые неприятные. Всю ночь напролет за ними гнался Ша-

рик, который был ростом с лошадь, бегал быстрее зайца и лазал по деревьям проворнее белки...

А на следующее утро Косой и Рыжехвостая проснулись, словно ничего не случилось.

— С добрым утром, Косой! — сказала белка, помахивая рыжим хвостом.

— С добрым утром, Рыжехвостая! — сказал Косой, похлопывая лапками по ушам.

— Хорошо ли тебе спалось? — спросила белка.

— Отлично, — ответил заяц. — Кстати, ты заметила, какой глупый этот Шарик? Он, кажется, вообразил, что может догнать меня. А ведь я бежал даже не во всю прыть.

— А ты заметил, что он совсем не умеет лазать по деревьям? — сказала белка.

— Да и смеяться он не умеет, — сказал Косой. — Он лает, как самая обыкновенная собака. Нет, что там ни говори, а Карлуша знает далеко не всё.

— Может быть, в школе и можно кое-чему выучиться, — важно произнесла белка, — но если знаешь, что дважды два — четыре, это еще не значит, что знаешь всё.

И это, конечно, совершенно верно, потому что не всё на свете так просто, как дважды два — четыре.

КАНУТ-МУЗЫКАНТ

Жил когда-то на свете мальчик по имени Канут. Отец с матерью у него умерли, братьев-сестёр у него не было, и жил он со своей бабушкой в маленькой лачужке на берегу моря. Летом Канут бегал босиком, — и это не так уж плохо. А на зиму у него были чулки из овечьей шерсти и деревянные башмаки, — а это уж совсем хорошо.

Бабушка Канута пряла шерсть, и Канут ходил продавать ее в усадьбу господина Петермана.

Когда выручка была хорошая, на столе появлялись и хлеб, и картошка, и кислое молоко. А если Кануту удавалось еще наловить рыбы, — в маленькой хижине был настоящий пир.

Правда, это случалось редко. Гораздо чаще Канут и его бабушка сидели на одном хлебе.

Но это не мешало Кануту быть всегда веселым, а ведь не всякий может похвастаться, что на душе у него весело, когда с утра до вечера сосет под ложечкой.

Однажды поутру Канут отправился на море, чтобы наловить к обеду немного рыбы. Но рыба, как назло, совсем не клевала.

Конечно, это было очень досадно, тем более, что ничего другого, кроме рыбы, на обед не предвиделось. И всё-таки Канут не унывал.

Укрепив хорошенько свою удочку между камнями, Канут отправился бродить по берегу.

Он выискивал в песке гладкие, круглые камешки и ловко закидывал их в море. Камешки весело прыгали по воде, оставляя за собой широкие ровные круги.

И вдруг Канут увидел на песке маленькую дудочку. Это была самая обыкновенная тростниковая дудочка. У Канута было таких с десятков — и подлиннее, и покороче, и потолще, и потоньше. Но и эта, конечно, не была лишней.

Канут приложил дудочку к губам и легонько дунул в нее. „Тра-та-та! тра-та-та!“ — весело заиграла дудочка. Канут дунул другой раз, и дудочка жалостно затянула: „ой-ой-ой! ой-ой-ой!“ Канут дунул третий раз, и дудочка ласково запела: „ба-а-ай! баю-бай!“

Канут снова и снова прикладывал дудочку к губам, но ничего больше из нее нельзя было извлечь.

„Ну, много на ней не наиграешь“, — подумал Канут, но всё-таки сунул дудочку в карман.

В это время к самым ногам Канута подкатилась большая волна.

— Канут, не видел ли ты дудочку морской принцессы? — прожурчала волна. — Я обежала уже весь берег, но нигде не могу ее найти. А вернуться без дудочки я не смею.

— Что же, эта дудочка какая-нибудь особенная? — спросил Канут.

— Это волшебная дудочка, — сказала волна. — Когда она поет „ба-а-ай!“ — все засыпают, когда она поет „ой-ой-ой!“ — все плачут, а когда она поет „тра-та-та!“ — все смеются.

— Вот как! — сказал Канут. — Да, я нашел эту дудочку, но я ни за что ее не отдам. Уходи прочь, волна!

Волна вспенилась, поднялась и пошла на Канута, чтобы отнять у него дудочку, но Канут успел во-время увернуться, и волна, сердито пророкотав что-то, отхлынула.

А Канут отбежал подальше от воды, вынул из кармана дудочку и принялся ее разглядывать.

— Так, значит, ты не простая дудочка, а волшебная, — сказал он. — А ну-ка, приколдуй мне тогда рыбку на крючок!

Канут поднес дудочку к губам и начал протяжно дудеть: „ба-а-ай! баю-бай!“

Не прошло и пяти минут, как возле самого берега всплыл один окунь, потом другой, потом третий, потом всплыли лососи, за ними сиги, а там пошла плотва, уклейка и прочая быстрохвостая мелочь, какая только водится в море. Вся рыба лежала на боку и спала крепким сном.

„Ого! Сегодня у меня будет богатый улов“, — подумал Канут и побежал домой за корзинкой.

Но полакомиться рыбой ему так и не довелось.

Когда он вернулся, плотная темная туча повисла над берегом. На самом деле это была не туча, а морские птицы — утки, дикие гуси, чайки, лебеди, — которые почуяли поживу и слетелись сюда со всего берега. Все эти незванные гости наперебой выхватывали из воды сонную рыбу и тут же глотали ее. Самые жадные, самые горластые были чайки. Они дрались из-за каждой рыбины и пронзительно кричали: тай! ан! тай! ан! А эхо разносило по всему берегу: дай! дай! дай! дай!

И вдруг в середину стаи, прямо из облаков, ринулся морской орел. Он выхватил из воды самого большого лосося и полетел прочь.

Этого Канут не мог уже вытерпеть.

— Вот я вам покажу, воры! — закричал Канут.

Он схватил полную пригоршню камней и принялся

швырять ими в птиц. Одной он подбил крыло, другой зашиб лапу, третьей отбил хвост, но стая всё равно не разлеталась.

Канут чуть не заплакал от досады.

Но тут откуда-то со стороны хлопнул выстрел, потом еще выстрел, потом еще. После каждого выстрела птицы замертво падали в воду, и не прошло десяти минут, как почти все они были перебиты. Даже морскому орлу не удалось уйти от меткой пули. Она настигла его под самыми облаками, и, вместе со своей добычей в когтях, орел камнем упал в море.

В это время из-за маленького островка выплыла лодка с тремя охотниками. Это был сам господин Петерман и его друзья. Господин Петерман любил поохотиться. Когда охота не удавалась, он очень сердился и бранил свое ружье. Но сейчас он был в самом лучшем расположении духа. Еще бы! Ведь такой удачной охоты у него еще в жизни не было!

Лодка подплыла к самому берегу, и господин Петерман с друзьями принялся подбирать добычу.

— Послушай, Канут, — крикнул господин Петерман, выуживая сразу двух уток, — как это тебе удалось подманить столько птиц?

— А я их вовсе не подманивал, — сказал Канут. — Я наигрывал на своей дудочке рыбам, а птицы почуяли добычу и сами слетелись сюда.

— Ну, я вижу, ты очень искусный музыкант, — сказал господин Петерман. — Я теперь так и буду называть тебя: Канут-музыкант. Но, послушай, Канут-музыкант, что с тобой случилось? Ты стал тощим, как тычинка хмеля!

— Я бы и рад быть круглым, как тыква, — весело сказал Канут, — да ведь когда обедаешь через два дня на третий, особенно не растолстеешь.

— Это ты верно говоришь, — согласился господин Петерман. — Ну, так вот что: я приглашаю тебя сегодня на обед. Ведь если бы не ты, нам никогда бы не настрелять столько дичи! Только приходи не раньше четырех часов, а то повар

не успеет зажарить птицу. Кроме того, я не люблю обедать слишком рано. Но, смотри, не опаздывай — я не люблю обедать слишком поздно.

— Благодарю вас, — вежливо сказал Канут, — я буду ровно в четыре. — А про себя подумал: „Для того, кто ничего не ел со вчерашнего дня, это не слишком-то рано!“

Наконец, лодка, нагруженная дичью, отчалила от берега, а Канут с пустой корзиной пошел домой.

— Ну, Канут, много ли ты наловил рыбы? — спросила бабушка.

— Наловить-то я ничего не наловил, а видеть — много видел. Но рыбу поели птицы, а птиц подстрелил господин Петерман.

— Жаль, — сказала бабушка. — У нас на обед только и есть, что четыре картофелины, одна салака да пол-ломтя черствого хлеба.

— Пусть всё это будет вам, бабушка, — сказал Канут. — Сегодня господин Петерман пригласил меня к себе на обед, и я принесу вам оттуда кусочек сыру.

— Только смотри, Канут, не вздумай идти через Кикальский лес, — сказала бабушка. — Там живут эльфы и всякая нечистая сила. Иди лучше берегом.

— Берегом идти очень далеко, — сказал Канут.

— А ты повторяй по дороге правила из грамматики, вот и не заметишь, как дойдешь. А главное, поменьше думай о еде — это никогда не приводит к добру.

В конце концов Канут решил послушаться бабушкиного совета и идти берегом.

Но когда он отошел немного от дома, он подумал:

„Глупо шагать целых две мили по солнцепеку, когда лесом путь гораздо короче“.

И он свернул на дорогу, которая вела прямо в Кикальский лес.

В лесу было очень тихо и очень темно. Солнце почти не проглядывало сквозь густые шапки деревьев.

Канут быстро шел по лесной тропинке, стараясь не огля-

дываться по сторонам. Но что там ни говори, а всё-таки ему было немного страшно.

Не успел он пройти и полпути, как вдруг увидел маленького седенького старичка. Старичок изо всех сил толкал перед собой тележку, доверху нагруженную тонкими звенящими железными полосами.

— А, здравствуй, Канут-музыкант! — сказал старичок. — Что это с тобой? Ты стал тонкий, как эти железные листы.

— В этом нет ничего удивительного, — сказал Канут, — ведь я ничего не ел со вчерашнего дня. Но я вижу, вы совсем выбились из сил. Не могу ли я помочь вам довести эту тележку?

— Что ж, помоги, если хочешь, Канут-музыкант, — сказал старичок. Он и вправду едва дышал от усталости.

Канут налег всей грудью на тележку, а старичок пошел впереди и показывал ему дорогу.

Скоро они подъехали к огромной каменной горе.

— Ну, вот мы и дома, — сказал старичок. — Зайдем ко мне, Канут-музыкант, и я угощу тебя на славу.

Конечно, надо было отказаться. Ведь не зря же бабушка говорила, что в Кикальском лесу живет нечистая сила. Но Канут совсем забыл о том, что говорила бабушка. Да кроме того, у старика был очень приветливый вид. „Пожалуй, не будет большой беды, если я зайду на минутку“, — подумал Канут и пошел за старичком.

Они долго шли по узкому каменному ходу, который начинался у самого подножья горы, и, наконец, добрались до огромной подземной пещеры. Здесь было очень жарко. Прямо посреди пещеры был сложен очаг. Огромные огненные языки поднимались до самого потолка, и красные отсветы то и дело пробегали по стенам подземелья.

— Неужели вы здесь живете? — спросил Канут.

— Ну да, это мой дворец, — сказал старик. — Едь я подземный король. Завтра я выдаю замуж мою дочь. Все мои придворные так заняты приготовлениями к свадебному пиру, что некому было позаботиться о моем сегодняшнем обеде.

Вот мне и пришлось самому отправиться в кладовую за припасами, а теперь надо самому готовить обед.

— Но ведь, если я не ошибаюсь, вы привезли на тележке какое-то железо, — сказал Канут.

— Не какое-то, мой мальчик, а полосовое и к тому же самого высшего сорта. Оно гораздо вкуснее простой железной руды, особенно если его накалить добела. Ну-ка, признавайся, ел ли ты что-нибудь лучше?

— Насколько я помню, мне никогда не приходилось есть ничего подобного, — ответил Канут.

— Я так и знал. Ну, не горюй, сегодня я попотчую тебя на славу. Вот смотри: сперва я кладу в печь одну полосу, на нее другую, потом третью — совсем как слоеный пирог. Через минуту железо будет накалено добела. Ну вот, уже готово! Можешь есть, сколько хочешь!

— Благодарю вас, — учтиво сказал Канут, — но я не так уж люблю слоеные пироги из железа. Мне было бы совершенно достаточно куска хлеба с маслом и небольшой миски простокваши.

— Посмотрите-ка на него! — воскликнул подземный король. — Да ты, видно, совсем не знаешь толка в еде! Ешь, говорят тебе, скорее, а то железо перекалится!

И он схватил Канута за шиворот и потащил к очагу.

Кто знает, чем бы всё это кончилось? Наверное Канут сгорел бы, как содоминка, — но на его счастье старик споткнулся и на одну секунду выпустил его.

Тут уж Канут не стал долго раздумывать. Со всех ног он бросился бежать и бежал без оглядки до тех пор, пока каменная гора не осталась далеко позади.

Наконец, Канут остановился, чтобы перевести дух. «А ведь бабушка, пожалуй, верно говорила, — подумал он. — Не надо было мне идти через Кикальский лес».

Но теперь делать было нечего, — не возвращаться же назад! — и Канут зашагал по тропинке, громко насвистывая песенку, чтобы идти было не так страшно.

И вдруг он вспомнил, что в кармане у него лежит волшебная дудочка.

„Как же это я про нее забыл! — подумал Канут и даже хлопнул себя по лбу. — Вот бы поплясал под мою дудочку этот подземный король!“

Теперь Канут ничего не боялся и смело шагал всё глубже и глубже в лес.

Скоро он подошел к небольшому пригорку.

Тут росло так много спелой земляники, что казалось, будто вся трава забрызгана красными капельками.

„Пожалуй, не будет большой беды, если я перед обедом поем немного ягод, — подумал Канут. — Ведь обед будет только в четыре часа, а сейчас нет еще и двух“..

И он полез на пригорок. Но что за чудо! Не успел он сделать и трех шагов, как все ягоды зашевелились, задвигались и бросились от него в разные стороны.

„Ну и дела! — подумал Канут. — В этом лесу, кажется, всё заколдованное, даже земляника“.

Он наклонился к самой траве и тут только увидел, что это вовсе не земляника, а крошечные лесные человечки — эльфы. Они были не больше оловянных солдатиков и все одинаково одеты: в красных платьицах, в красных туфельках и в красных шапочках.

А на вершине пригорка, на троне, сплетенном из сосновых игл, сидела сама королева эльфов.

— А, здравствуй, Канут, — сказала королева. — Так это ты распугал мой народ?

— Прошу простить, что обеспокоил вас, — сказал Канут, кланяясь королеве, — но я принял ваших подданных за лесную землянику.

— Бедный мальчик. — сказала королева, — ты, наверное, очень голоден?

— Как же мне быть сытым, когда со вчерашнего дня я ничего не ел, кроме каленого железа, — весело сказал Канут.

— Да, этим, пожалуй, не наешься, — согласилась коро-

лева эльфов и, обернувшись к своей фрейлине, приказала:— Принесите ему на зеленом листике утреннюю росинку и дайте одну комариную ножку. Пусть бедняжка хоть разок поест досыта.

— Благодарю вас, — вежливо сказал Кунут, — но я боюсь, что это угощение не по мне. Нельзя ли мне получить корзинку земляники и кувшин молока?

— Как, ты еще недоволен?! — воскликнула королева. Она рассердилась не на шутку. — Ты смеешь отказываться от королевского обеда? Такой дерзости еще никто себе не позволял. Эй, лесные пауки! Сюда! Вяжите его! Да покрепче!

И тотчас целые полчища длинноногих пауков полезли на Канута. Они проворно взбирались по его рукам и ногам, и не успел Канут опомниться, как весь он — от самой макушки до самых пяток — был окутан тонкой, липкой паутиной. Канут попытался сделать шаг, но ноги у него словно склеились, и он, как подкошенный, упал на землю.

Ну и смеялись же над ним эльфы! Они прыгали у него на голове, щекотали ему нос и шею, дергали его за волосы.

— Теперь лежи здесь, пока не умрешь с голода, — пищали они ему в самое ухо.

„Кажется, так оно и будет, — подумал Канут и тяжело вздохнул. — Вот и дудочка волшебная лежит у меня в кармане, а что в ней толку!..“

И вдруг Кануту пришла в голову прекрасная мысль.

— Послушайте, маленькие эльфы, — сказал Канут, — я вижу, вы весёлый народ. Хотите, я вам поиграю на моей тростниковой дудочке, а вы потанцуете?

Эльфы очень обрадовались. Ведь всем известно, что больше всего на свете эльфы любят танцевать и смеяться.

— Хотим! Хотим! — закричали они.

— Ну, тогда залезьте ко мне в карман, достаньте оттуда дудочку и вставьте мне в рот.

И вот четыре самых смелых эльфа полезли Кануту в карман. С трудом вытащили они оттуда тростниковую

дудочку, взвалили ее на плечи и поволокли. Бедняжки то и дело останавливались, чтобы передохнуть и отереть пот со лба. Наконец, они добрались до подбородка Канута и вставили дудочку ему в рот.

— Сейчас начнутся танцы! Идите все танцевать! — кричали они, прыгивая на землю.

А Канут, едва только дудочка оказалась у него во рту, дунул в нее легонько, и дудочка жалобно запела: ой-ой-ой! ой-ой-ой!

И сразу на пригорке затих веселый смех... Потом Канут услышал тихое всхлипывание. Всхлипывание становилось громче и громче. Не прошло и минуты, как все эльфы плакали навзрыд. Слезы ручьями текли у них из глаз, и скоро вся трава кругом стала мокрой, точно от дождя.

— Вот что, — сказал, наконец, Канут. — Я предлагаю вам перемирие: если вы освободите меня, я прикажу моей дудочке развеселить вас, а не освободите, — тогда всю жизнь так и будете лить слезы.

Ничего страшнее этого эльфы не могли себе представить.

Громко всхлипывая и вытирая кулачками слезы, они бросились срывать с Канута паутину, распутывать ему руки и ноги.

Наконец, Канут почувствовал, что он свободен.

— А ну-ка, отойдите в сторону, — сказал он, — дайте мне встать, а то я еще раздавлю кого-нибудь.

Эльфы разбежались кто куда, а Канут осторожно стал на ноги. Он посмотрел на своих маленьких врагов и рассмеялся — такой у них был жалкий и несчастный вид. От слез у них даже носы стали красные. А королева плакала так неутешно, что вокруг ее трона разлилось уже целое море слез.

Кануту стало жалко эльфов.

— Ну, довольно плакать. Теперь попляшите.

Он снова дунул в дудочку, и она весело и громко запела: тра-та-та! тра-та-та!

Что тут случилось с эльфами! Они чуть не сошли с ума от радости! Они прыгали и скакали так высоко, что едва не задевали жаворонков в небе. Кануту всё время приходилось отряхиваться, потому что эльфы сыпались на него, словно осенние листья в лесу, застревали у него за шиворотом, в карманах и в складках куртки.

— Ну, мне пора идти, — сказал наконец Канут, — а то мне и вправду придется обедать маковой росинкой и комариной ножкой. Прощайте, маленькие эльфы, да смотрите не забывайте о моей дудочке.

И, помахав эльфам на прощанье рукой, он двинулся в путь.

Канут отошел не очень далеко, как вдруг увидел в стороне от тропинки целые заросли лесной морошки.

„С земляничкой не повезло, — подумал Канут, — так полакомлюсь хоть морошкой, если только и тут не кроется какая-нибудь чертовщина“.

Но морошка была самая обыкновенная, у нее не было ни рук, ни ног, ни туловища, она не ходила и не говорила и была очень сладкая. Канут подбирал ягодку за ягодкой и всё дальше и дальше уходил от тропинки. Но скоро путь ему преградила огромная старая ель, поваленная бурей. Канут решил перелезть через нее, потому что за елью было еще очень много кочек со спелой морошкой. Ветви у ели были густые и колючие, и Канут с трудом пробирался вперед. И вот, когда он уже почти перебрался через ствол, случилось то, чего он никак не ожидал. Ель вдруг поднялась во весь рост, зевнула и проворчала недовольным голосом:

— Кто это осмелился разбудить меня?

Тут она увидела Канута. Он болтался на конце ветки, как пауч на веревочке.

— А, это ты! — сказала ель. — За такую дерзость тебя следовало бы сейчас же наказать. Ты разве не знаешь, что я — царица леса? На сто верст кругом нет такой букашки, которая посмела бы потревожить меня, когда я сплю.

— Простите, пожалуйста, — сказал Канут. — Я не знал, что вы спите. Я просто проголодался и хотел собрать немного морошки.

— Вздор! Что за еда — морошка! Если ты голоден, ешь мох. Это настоящее королевское кушанье.

— Ну, если уж на то пошло, то я предпочел бы кусок мяса и яблочный кисель, — сказал Канут.

— Что? Ты еще споришь со мной? Эй, стража! Сюда! — крикнула ель и замахала ветками, показывая на Канута.

Канут взглянул наверх. Тут только он увидел огромного орла. Он сидел на самой вершине ели и смотрел на Канута злыми, немигающими глазами.

Кануту стало не на шутку страшно. Он хотел было прыгнуть на землю — ведь внизу мох, не разобьешься! — но колючие ветки цепко держали его за руки и за ноги.

И вдруг Кануту показалось, будто кузнечик пробежал по его рукаву. Потом что-то защекотало ему шею и чей-то тоненький голос пропищал:

— Открывай скорее рот, а то я уроню ее!

Канут скосил глаза.

У самого его подбородка стоял маленький эльф и держал в руках волшебную дудочку.

Когда все эльфы прыгали и плясали на пригорке, он прыгал выше всех и, в конце концов, угодил Кануту в карман, да так и застрял там.

Теперь, сидя на дне темного кармана, он услышал, какая беда грозит Кануту.

„Надо выручать его“, — решил эльф. Ведь эльфы совсем не злые. Правда, они любят подшутить над человеком, но сердце у них доброе.

И вот маленький эльф ухватил обеими руками волшебную дудочку и полез вверх, цепляясь за складки и пуговицы на куртке Канута.

Это было нелегкое дело — ведь дудочка была раз в шесть больше самого эльфа.

Наконец, эльф добрался до подбородка Канута.

Тут он поднял дудочку как только мог выше и осторожно приложил к губам Канута.

— Теперь играй!—пропищал эльф.

Канут крепко зажал дудочку губами, дунул в нее, и дудочка затянула: ба-а-ай! баю-бай!

И сразу старая ель стала зевать, потягиваться всеми своими ветками и, наконец, с кряхтением растянулась на мягкой земле. А орел, медленно хлопая отяжелевшими крыльями, полетел прочь, так и засыпая на лету.

Когда Канут выкарабкался из-под веток, весь лес спал мертвым сном.

Маленького эльфа нигде не было видно. Да и немудрено! Ведь разглядеть его в траве так же трудно, как найти иголку в лесу.

— Прощай, маленький эльф! Спасибо тебе!—крикнул Канут и снова двинулся в путь.

Кажется, вырасти у него сейчас под ногами жареная картошка, он и то не прикоснулся бы к ней.

На его счастье идти теперь оставалось недолго, дорога была отличная, одно только было плохо—в лесу становилось всё холодней и холодней. Скоро повалил снег, всё кругом побелело, по обеим сторонам дороги намело высокие сугробы.

„Вот это так чертовщина!—подумал Канут.—Ах, зачем я не послушался бабушки! Верно, из этого леса мне не выбраться живым“.

Канут поднял воротник, нахлобучил шапку, засунул руки в карманы, но всё равно дрожал, как осиновый лист. Мороз всё усиливался, дорогу совсем занесло снегом, и Канут то и дело сбивался с пути.

И вдруг,—Канут сам не знал, как это случилось,—он провалился в глубокую яму.

Когда Канут стал на ноги,—ни леса, ни тропинки не было. Канут стоял в сверкающем зале. Все стены его были разрисованы ледяными узорами, потолок усыпан снежными звездами, а пол устлан сверкающим инеем.

По залу кувыркались неуклюжие снежные чучела, а в углу, на огромном ледяном троне, сидел сам снежный великан.

Борода у него была из тонких длинных сосулек, мантия из пушистого снега, а сапоги из замороженного ягодного сока.

— Здравствуй, Канут-музыкант! — сказал великан. — Что с тобой случилось? Ты совсем превратился в сосульку!

— Что же в этом удивительного, — сказал Канут, потирая замерзшие руки, — на то и зима. Впрочем, немудрено превратиться в сосульку и летом, если на обед у тебя нет ничего, кроме столетнего мха, комариной ножки и каленого железа.

— Ну, пожалуй, после такой жирной и горячей еды ты непрочь поесть чего-нибудь холоднейшего, — сказал великан. — Эй, обер-снежное чучело, дай ему кусочек замороженной ртути!

— Кажется, это совершенно лишнее, — сказал Канут, стуча зубами от холода. — А вот от кружки теплого молока я бы, пожалуй, не отказался.

— Кто смеет говорить о тепле в моем присутствии! — закричал великан. — Обер-снежное чучело, окуни-ка этого мальчишку семь раз в ледяную воду да повесь на сучок, чтобы он немного остыл. А то больно уж горяч парень!

Наверное, Канут так бы и замерз, если бы у него не было волшебной дудочки. Но он успел во-время сунуть ее в рот и громко задудел: тра-та-та! тра-та-та!

И вдруг лицо великана сморщилось, и весь он затрясся от смеха. Сосульки со звоном посыпались у него из бороды, но он даже не замечал этого. Он прямо покатывался со смеху, и дело кончилось тем, что он и вправду скатился со своего трона. Голова у него отвалилась, руки-ноги отскочили, и весь он рассыпался на тысячу ледяных осколков.

И все его придворные чучела тоже катались со смеху до тех пор, пока совсем не развалились.

Самому Кануту и то стало смешно, и он едва удерживался, чтобы не расхохотаться.

Даже стены не могли устоять на месте, они тоже пустились приплясывать, и скоро от всего дворца остался только огромный снежный сугроб.

Поднялась метель. Страшный вихрь закружил столбом снег, подхватил Канута и куда-то понес его...

Когда Канут открыл глаза, он стоял на лесной тропинке. Снег растаял, быстрые ручьи бежали по всему лесу.

Опять настало лето, зазеленели деревья, защебетали птицы.

Не теряя времени даром, Канут снова пустился в путь.

„Кажется, я не много выгадал оттого, что пошел короткой дорогой“, — подумал Канут, взглянув на небо. Солнце уже склонялось за вершины деревьев, было далеко за полдень.

Наконец, лес поредел, и Канут вышел на проселочную дорогу. Отсюда до усадьбы господина Петермана было уже совсем близко. Канут прибавил шагу. Но как он ни спешил, а всё-таки к обеду опоздал.

Когда Канут вошел в дом, все уже сидели в столовой за столом.

— Добро пожаловать, Канут-музыкант! — сказал господин Петерман, увидев его. — Что же это ты опоздал?

— Как же мне было не опоздать, когда я уже три раза был в гостях и успел попробовать каленого железа, замороженной ртути и комариной ножки, — сказал Канут.

— Ого, не слишком ли это много? Боюсь, как бы ты не объелся, — сказал господин Петерман. — Хорошо, по крайней мере, что мы тебя не ждали. После такого богатого угощения ты, конечно, откажешься от обыкновенной жареной утки. Но чтобы тебе не было скучно смотреть, как мы едим, поиграй нам на своей дудочке, Канут. Ты ведь отличный музыкант!

„Это будет похуже каленого железа и замороженной ртути“, — подумал Канут. А вслух сказал:

— Извольте! Если вам хочется, — я поиграю.

Он вытащил свою дудочку и легонько дунул в нее.

„Ой-ой-ой!“ — грустно затянула дудочка.

И сразу же у господина Петермана и его гостей опустились головы, губы задрожали, как у маленьких детей, когда они собираются плакать, а на глазах выступили слезы.

— Знаешь что, Канут, — громко всхлиывая, сказал господин Петерман, — лучше садись с нами обедать. Что-то твоя музыка не очень веселая!.. — И, уткнувшись лицом в салфетку, он залился слезами.

— Ну, что ж, если вы так просите меня, я могу составить вам компанию, — сказал Канут.

Он спрятал дудочку в карман и сел к столу.

Понемногу гости успокоились. Они вытерли слезы и, с опаской поглядывая на Канута, взялись за вилки.

А Канут, как ни в чем не бывало, принялся уплетать за обе щеки и суп, и пирог, и жареную утку.

И наверное он просидел бы за столом до сегодняшнего дня, если бы не вспомнил, что его ждет бабушка и что он обещал ей принести к ужину кусочек сыру.

ПОДАРОК МОРСКОГО ЦАРЯ

Жил когда-то рыбак по имени Матвей, по прозвищу Лосось. Жил он на берегу моря. Да и где же рыбаку жить, как не на берегу моря? И была у него жена — Марья Лососиха. Да и как же ее иначе называть? Если муж Лосось, так уж, конечно, жена — Лососиха.

Ну, так вот. Зимовали они в маленькой хижине, которая глядела окошками прямо на море, а весной перебирались на крошечный островок, торчавший из воды, словно брошенный в море камень. Там была у них лачужка — еще меньше, чем на берегу. В ней даже выпрямиться во весь рост и то нельзя было. Вместо печки тут был очаг, сложенный из неотесанного камня, а вместо замка — деревянная

щекосла. Зато крыша лачужки была украшена флюгаркой и флагштоком, как принято у самых настоящих моряков.

Весь островок был не больше рыночной площади, и, хотя каменщики его не мостили, ходить по нему было так же трудно, как по мощеной площади, — на каждом шагу то бугор, то выбоина. И всё-таки старики очень любили свой остров и даже находили его красивым.

Да и верно, на нем было не так уж плохо. Начать с того, что в расщелине возле самой лачужки росла рябина и три куста ольхи. Кто знает, как их сюда занесло. Но как бы то ни было, деревья росли на острове, крепко зацепившись корнями за камень. Правда, рябина была низкорослая, а ольха — тощая, но всё-таки весной и та и другая покрывались почками, а летом одевались листвой и даже давали тень.

Но это еще не всё. Кроме рябины и ольхи, на острове росли три пучка травы, мягкой как бархат, четыре стебелька тростника да столько же кустиков дикой ветреницы.

Как же тут не сказать, что остров был словно цветущий сад?

Лосось с Лососихой так и говорили.

Но что было такое замечательное, так это четыре луковицы, которые вырастила Марья Лососиха.

Она долго выискивала место, где бы можно было посадить лук так, чтобы он не захирел. Наконец, ей удалось найти небольшую ложбинку. Ничего лучшего для лука нельзя было и желать. С севера он был защищен от холодного ветра каменным выступом, а с юга его всегда пригревало солнышко. И лук отлично рос.

Правда, четыре луковицы — это не так уж много, но Лососиха была очень довольна своим огородом.

Вот так и жили старик со старухой, Матвей с Марьей. Была у них еще собака — старый лохматый пес, из породы чистокровных дворняг, по кличке Принц.

Рыбак и его жена занимались рыбной ловлей (что же еще рыбакам делать, как не ловить рыбу?), а Принц сторожил дом. По правде говоря, сторожить то было нечего, да и

жилья на милю кругом—ищи, не найдешь, но какая же это собака, если она не сторожит хозяйское добро? А Принц был верным псом. Поэтому он исправно лаял на чаек, которые залетали на остров, и даже на флюгарку, когда она не в меру громко скрипела.

Всем известно, что три—счастливое число. Поэтому рыбак с женой весной ловили лососей, летом салаку, а осенью сигов. По субботам, если погода была ясная, море тихое и ветер попутный (опять считай до трех!),—они отправлялись в город. Там они продавали свежую рыбу и на вырученные деньги покупали немного муки, трубачного табаку для старика и кофе для старухи (всё три да три!).

Правда, в муку Лососиха прибавляла отруби, в табак—сушенный мох, а в кофе—жареный ячмень. Но всё-таки Матвей и Марья были всегда довольны. А если летом им удавалось засолить рыбы столько, что ее хватало на всю зиму,—они считали себя настоящими богачами.

И всё бы шло, как нельзя лучше, если бы Лососихе не вздумалось вдруг купить корову. Шутка сказать—корову! Всякий знает, что корова стоит не дешево. Но Лососиха готова была на какие угодно жертвы—только бы настоять на своем. Теперь она вдвое против прежнего разбавляла кофе ячменем и каждую сбереженную копейку откладывала на корову. Скоро у нее скопилось столько денег, что она уже смогла купить хоть и не корову, но зато отличный бочонок для кислого молока.

Лососю вся эта затея пришлась совсем не по вкусу. Да и немудрено! Ведь, если говорить правду, старуха выгадывала эти копейки не столько на своем кофе, сколько на табаке старика.

— Выкинь ты из головы корову,—сердился Лососю.— Ну, подумай сама, пораскинь своим умишком,—что ты будешь с ней делать?

— Как что буду делать? Буду доить ее да тебя же поить парным молочком и угощать простоквашей. А то и масло собью. Что, разве плохо?

— Молоко, масло! А кормить-то корову чем? Она ведь камень да песок жевать не станет.

— Зачем же ей камень жевать? Тут есть ольха и три кустика травы. Разве этого мало?

— Уж куда больше, — засмеялся Лосось. — А твой лук можно высушить, — вот и на зиму корм будет.

— На зиму, пожалуй, этого маловато, — серьезно сказала Лососиха. — Ну, да зимой можно кормить корову соленой салакой. Вот ведь и Принц ест у нас рыбу.

— Еще что выдумала! — закричал старик. — Нет уж, благодарю покорно, слишком дорого обойдется эта корова, если ее кормить салакой. Вот что, матушка, говорю тебе по-хорошему, забудь ты про эту самую корову и будь довольна тем, что есть.

Лососиха только вздыхала. Конечно, старик прав, но что она могла поделать, если корова не шла у нее из головы? Кофе без молока казался ей уж не таким вкусным, а лепешки без масла, испеченные в золе, становились поперек горла.

И вот однажды, когда Лосось и Лососиха сидели у порога своей лачуги и чистили салаку, к острову подплыла шлюпка. В ней были три молодых человека в белых фуражках — три студента, которые катались по морю безо всякого дела, единственно ради своего удовольствия. Увидев, что на острове есть жилье, они решили пристать к берегу.

— Эй, старуха, вынеси-ка нам горшок простокваши! — закричали они Марье.

— Да я и сама не прочь бы ее отведать, — сказала Лососиха и тяжело вздохнула.

— Ну, если нет простокваши, давай хоть свежего молока, — сказали студенты, — только, смотри, не разбавленного!

— Да уж я бы дала господам студентам самого лучшего молока, если бы оно было! — сказала старуха и вздохнула еще тяжелее.

— Что такое? — удивились студенты. — Неужто у вас нет коровы?

Лососиха ничего не ответила и только с укором посмотрела на мужа.

— Господа студенты совершенно правы, — коровы у нас нет, — ответил за старуху рыбак. — Но если угодно, мы можем угостить вас копченой салакой. Наберитесь немного терпения и через час вы получите превосходную копченую салаку прямо из огня.

— Идет, давайте хоть копченой салаки, — заявили студенты.

Они подгребли к самому острову, выпрыгнули из лодки и, не ожидая приглашения, расположились на берегу.

А тем временем Матвей Лосось сложил костер, потом нанизал на палочку шестьдесят самых лучших серебристых салакушек и принялся их коптить.

— Послушай, старина, — сказал один из студентов, — а как называется этот камешек, на котором вы живете?

— Чудно он как-то зовется, — Ахтола, что ли.

— Да неужто это и есть Ахтола! — воскликнул студент. — Что ж вы не попросите корову у морского царя? Уж верно он для добрых соседей не пожалеет!

— Какой там еще морской царь, — недоверчиво проворчал Матвей Лосось.

— Да разве вы ничего не знаете про морского царя Ахти? — удивился студент. — Неужто вы и Калевалу¹ не читали? Там много про этого Ахти написано.

— Мы народ неученый, белых фуражек не носили, откуда нам всякие премудрости знать, — сказал Лосось.

— Ну, так я вам расскажу, что сам знаю. Вы, конечно, понимаете, что морской царь живет в море. Это уж всякому ясно — и ученому и неученому. Глубоко-глубоко под водой стоит его дворец, — он построен как раз у подножия вот этой самой скалы, на которой мы с вами сейчас сидим. Поэтому скала и называется Ахтола — в честь царя Ахти. Только дворец морского царя немного получше вашей хижиньки.

¹ Карело-финский эпос.

А уж богатства у него такие, какие вам и не снились. На пастбищах его пасутся табуны морских коней и стада морских коров. Все рыбы подвластны морскому царю Ахти, а волны не смеют шевельнуться без его приказа. Кого полюбит Ахти, — тому всё даст, на кого рассердится, — у того всё отнимет. А сердится он очень часто, — это вы и сами могли заметить. Чуть что не по нем, — сразу разбушует. Особенно не любит он, когда в море бросают камни. Из-за самого маленького камешка он готов поднять целую бурю... Ну, что же вам еще рассказать про него? У морского царя есть, конечно, жена, морская царица. Ее зовут Велламо. У нее такие длинные волосы, что десять прислужниц едва справляются, когда утром причесывают ее. Случается, что царица Велламо выплывает наверх, чтобы поглядеть, что делается на свете и послушать новости, которые разносит по белому свету ветер. Скажу вам по секрету, что царица моря так же любопытна, как все женщины, — тут студент подмигнул в сторону Лососихи, и вся компания весело засмеялась.

Но Лососиха и бровью не повела. Ей было не до шуток, — то надо было переворачивать на огне салакушек, то отгонять от них Принца.

— Так вот, — продолжал свой рассказ студент, — когда царица совершает выезд, во дворце поднимается страшная суеда. Самые красивые прислужницы сопровождают царицу в пути и несут за ней шлейф из тончайшей кружевной пены. И пока царица Велламо дышит свежим воздухом, они прячутся в камышах или у прибрежных скал, заманивая простаков, которые засматриваются на их красоту.

— А, русалки! Про них и я слышал... А что, господа студенты своими глазами всё это видели — русалок этих, и царицу Велламо, и дворец на дне моря?

— Ну, как тебе сказать, — не совсем своими. Мы прочли об этом в книгах, прочли своими собственными глазами, а раз это напечатано в книгах, — значит, так оно и есть.

— Как бы не так! — усмехнулся рыбак. — Хорош бы я был, если б верил всему, что напечатано. Вот, к примеру, вчера

в календаре читаю (да ведь какими еще крупными буквами напечатано!): „Погода ясная. Солнце“. А на деле что было? Весь день бушевал такой ветер, что нашу хижину чуть не унесло. И дождь лил, как из ведра. Вот и верь после этого тому, что напечатано!

— Так ведь кто же не знает, что календари на то и придуманы, чтобы всех обманывать! — засмеялся студент. — Значит, и понимать-то надо всё наоборот. Написано: „ясно“, читай: „буря“.

Матвей Лосось недоверчиво покачал головой.

Между тем, салака была уже готова, — из серебряной она стала золотисто-коричневой, — и студенты принялись за еду. Хотя их было всего трое, но ели они за шестерых. Все рыбки косточки и головы они бросали Принцу. Лучшего лакомства для него и придумать нельзя было. От удовольствия Принц бил хвостом по земле, то и дело становился на задние лапы и один раз даже перекувырнулся.

Когда последняя рыбка была съедена, студенты стали собираться в обратный путь. В благодарность за гостеприимство и угощение они вручили Лососю блестящую серебряную монету да еще любезно предложили ему набить трубку табаком из их кисета. Лосось не стал отказываться, — ведь не часто приходилось ему курить настоящий табак. И он принялся так усердно набивать свою глиняную трубку, что она не выдержала и раскололась.

Рыбак чуть не заплакал с досады, и долго еще после отъезда студентов он охал и вздыхал, разыскивая на земле жалкие черепки и крошки драгоценного табака.

Принц тоже повесил нос, чуть только студенты уехали. Он уселся около самой воды и грустно смотрел вслед лодке до тех пор, пока белый парус не затерялся среди волн. Принцу было о чем грустить, — ведь кто знает, придется ли ему еще когда-нибудь так сытно пообедать, как сегодня?

И Лососиха приумолкла, проводив гостей. Но чем упорнее она молчала, тем больше она думала.

Всё время, пока на острове были студенты, Лососиха хлопотала по хозяйству и как будто даже не слушала, о чем

они говорили. А на самом деле она не проронила ни одного слова из того, что рассказывали студенты, и в глубине души преисполнилась гордости, что живет по соседству с морским царем и даже занимает в свете несколько более высокое положение, чем он.

Но особенно запал ей на ум рассказ о коровах морского царя.

„Вот бы иметь в хозяйстве такую корову! — думала Лососиха. — Уж верно молока у нее столько, что только успевай доить. Ах, если бы морской царь догадался подарить мне хотя бы одну корову из своего стада!“

— О чем это ты задумалась? — спросил ее Лосось.

— Да так, ни о чем, — ответила старуха. А сама подумала: „А что если попросить корову у морского царя? Может, он и не знает, что у меня нет ни одной коровы?“

— Послушай, старик, — сказала Марья Лососиха мужу, — не закинуть ли нам сегодня вечером невод?

— Что ты, старуха, разве не видишь, что буря собирается?

— Уж не вычитал ли ты это в календаре? — усмехнулась старуха. — Так ведь ты сам отлично знаешь, что календарю верить не следует.

— Календарь — календарем, а ты посмотри, какие тучи надвигаются.

— Что ж, что тучи? Вчера и туч не было, а буря была, а сегодня море точно зеркало. После вчерашнего-то ветра салака как раз идет к берегу.

— Нет, старуха, не годится сегодня в море выезжать.

— Послушай, — не унималась Лососиха, — мы только один невод закинем, вон там, левее отмели. Надо же нам наполнить бочку доверху, а то вся рыба испортится, если бочку долго держать открытой.

Разве старуху переспоришь? Пришлось Лососю согласиться. Они взяли сеть и отправились в море.

Лодка уже миновала отмель и выплыла на глубину, а Лососиха всё еще не знала, как приступить к делу. Ведь

студенты говорили, что Ахти очень сердитый, — чуть что не по нем, сразу бурю поднимет...

И вдруг Лососихе пришла на ум старая песня. Эту песню Лососиха слышала когда-то от отца, а отец слышал от одного старика, которому всегда очень везло в рыбной ловле. Песня не очень подходила к случаю, но Лососиху это не смущало. И она тихонько принялась напевать, изменяя слова, как ей хотелось:

У тебя богатств без счета,
Ахти, царь морской стихии!
Жемчуга, янтарь... Да что там
Жемчуга! Стада какие!
Вид коров подводных важен,
По траве ступают гордо,
Каждый рог — размером в сажень,
В полторы сажени — морда!

— Что это ты поешь? — удивился Лосось.

— Да так, просто мне припомнилась одна старая песенка, — ответила Марья Лососиха и запела громче:

Повелитель волн косматых,
Бурной пеною покрытый!
Не прошу даров богатых,
Лишь корову мне пошли ты.
Властелин пучины водной,
Я тебе отдам за это
Серебро луны холодной,
Золото дневного света!

— Это самая глупая песня из всех, что я слышал на своем веку, — сказал Лосось. — Я еще понимаю, что можно просить у морского царя рыбу, но просить корову — чистый вздор. Это студенты сбили тебя с толку своими разговорами. А ты и поверила!

— Замолчи, пожалуйста! — прикрикнула на него старуха. Она очень боялась, что Ахти услышит слова старика и разгневается. — Уж наверное господа студенты знают больше тебя.

— Да что они знают? Сами-то ведь они ничего не видели, только в книжках читали.

Но Лососиха не стала его слушать и опять запела свою песенку. А Лосось не стал больше с нею спорить — у него были свои заботы: сломанная трубка и чудесный табак, который ему так и не довелось покурить, не выходили у него из головы.

Наконец, они закинули невод и вернулись к своему острову. Время было уже позднее, и они сразу легли спать. Но сон не шел к ним. Лососиха размышляла о том, как заживут они, когда у них будет корова, и уже заранее высчитывала, сколько молока и масла она будет продавать в городе и что купит на вырученные деньги.

А Лосось не спал, потому что высчитывал, какой будет убыток, если начнется буря и сеть пропадет. Ведь сеть была еще совсем новая, один только раз чиненая.

Когда время перешло за полночь, Лосось вдруг насторожился.

— Эй, жена, ты ничего не слышишь?

— Ну, что там еще? — проворчала Марья. Ей и самой было не по себе, да только не хотелось признаваться в этом мужу.

— Тебе не кажется, что флюгарка что-то очень уж скрипит? — спросил Лосось. — Как бы не разыгралась буря!

— Да какая там буря! Флюгарка только разок скрипнула, а ему уже невесть что мерещится!

Лосось улегся, но не прошло и пяти минут, как он снова поднял голову.

— Да ты послушай только, как она скрипит!

— Не мешай ты мне спать, — проворчала старуха. А сама подумала: „А ведь верно, никогда еще флюгарка так не скрипела. Уж не рассердился ли морской царь за то, что я попросила у него корову?“

Лосось опять лег. Он даже натянул на голову одеяло, чтобы ничего не слышать. Но это мало помогло.

Наконец, он не выдержал и вскочил с постели.

— Да неужели ты не слышишь, что флюгарка мечется, точно с ней беда какая приключилась! Надо скорее вытащить сеть!

На этот раз Лососиха не стала спорить.

Они наскоро оделись и вышли из хижины.

Ночь была темная, хоть глаз выколи. Флюгарка на крыше металась во все стороны, отчаянно стонала, кряхтела и скрипела, горько жалуясь на свою судьбу. Да и было на что жаловаться! Всю жизнь она отлично справлялась со своими обязанностями и всегда исправно держала нос по ветру. А сейчас бедная флюгарка не знала, куда повернуться. Ветер налетал отовсюду — и слева, и справа, и спереди, и сзади. Он выл, свистел и гудел, силясь сорвать флюгарку вместе с крышей, с домиком и даже со всей скалой.

Море кипело и от пены было совсем белое. Волны со страшным грохотом ударялись о берег, обдавая и хижину и стариков холодными брызгами.

Такой бури Лосось никогда еще не видывал на своем веку. Конечно, нечего было и думать о том, чтобы пуститься сейчас в море за неводом. Лосось и Лососиха едва стояли на ногах, и если бы они не вцепились в дверной косяк, ветер унес бы их в море.

— Говорил я тебе, что не надо сеть закидывать! — прокричал Лосось в самое ухо жене.

Но кругом так грохотало, что Лососиха ничего не слышала. Она вся дрожала от страха, и, будь у нее у самой корова, она бы, не задумываясь, подарила ее морскому царю, лишь бы только утихомирить его.

Постояв так несколько минут, Лосось и Лососиха увидели, что им не остается ничего другого, как вернуться в свою хижину и ждать, пока буря утихнет. Они так и сделали. Правда, им пришлось немало потрудиться, прежде чем они заперли дверь. Ветер так яростно стучался и ломился к ним, что деревянная щеколда то и дело соскакивала, и ветер сналёту врывался в хижину. Тут уж он начинал хозяйничать по-своему —

переворачивал горшки, разбрасывал во все стороны одежду, перепутывал веревки и сети.

Наконец, старики кое-как захлопнули дверь и для верности еще приперли ее чем могли — бочкой с салакой, топором, веслами и кочергой.

Потом, уставшие и продрогшие, они улеглись на свои лежанки и скоро крепко заснули.

На другой день они проснулись позже обычного. Солнце стояло высоко в небе. Непогода улеглась, только море еще глухо ворчало, да сердитые волны сразбегу ударялись в скалу и с шипением откатывались назад.

— Посмотри-ка, что это там на берегу! — воскликнула Лососиха, взглянув в окошко.

Лосось нехотя встал со своей лежанки и тоже подошел к окну.

— Да как будто тюлень, — сказал Лосось. — Они в этих местах водятся.

— Сам ты тюлень, — рассердилась Лососиха. — Не видишь что ли, что это самая настоящая корова!

— Пока что я вижу, что ты совсем рехнулась, матушка! — сказал Лосось.

Но Лососиха только с сожалением посмотрела на мужа и, не говоря ни слова, вышла из хижины. А за ней лениво побрел Лосось, бормоча себе под нос что-то о бабьих фантазиях.

И что же вы думаете? По берегу разгуливала настоящая корова, чудесная корова самой лучшей породы, гладкая, откормленная, словно кроме шпината она ничего другого в рот не брала. На жалкие кустики сорной травы, которыми так гордилась Лососиха, она даже не смотрела, а время от времени залезала в воду и пощипывала морские водоросли.

— Ну что, может быть, ты и теперь будешь говорить, что это тюлень? — усмехнулась Лососиха.

Бедный Лосось промолчал. Он прямо не знал, что и думать. Несколько раз он даже принимался тереть себе глаза, полагая, что всё это мерещится ему во сне. Но сколько он ни тер

глаза — от этого ничего не изменялось. Корова была самая настоящая. В этом Лосось окончательно убедился, когда Лососиха принялась ее доить.

Скоро все миски, горшки, ушаты были наполнены густым, жирным молоком.

— Всё-таки это очень странно, — сказал Лосось, после того как выпил целую крынку парного молока. — Откуда здесь могла взяться корова?

— Ничего странного тут нет, — сказала Лососиха. — Неужели же морской царь пожалеет одну корову для своих соседей?

— Ах, ты опять про эти басни! — усмехнулся старик.

— Не знаю, о каких баснях ты говоришь, — важно сказала старуха, — только, по-моему, молоко, которое ты только что выпил, самое настоящее.

Старику опять пришлось промолчать. Да и что тут скажешь? Молоко и вправду было самое настоящее.

В конце концов Лосось решил, что самое лучшее не ломать себе понапрасну голову. Есть корова — и хорошо. Не всё ли равно, откуда она взялась? У него были заботы посерьезнее. Надо было искать пропавшую сеть.

Но не успел Лосось отчалить от скалы, как сразу увидел свою сеть. Она была выброшена волнами на отмель и до отказа набита салакой, морским окунем и всякой другой рыбой.

Матвей Лосось едва приволок сеть на остров и сразу принялся разбирать рыбу. Он был так доволен, что даже бросил несколько салакушек Принцу.

— Кажется, ты говорил, что не следовало вчера закидывать невод? — сказала Лососиха, искоса поглядывая на мужа. — А на мой взгляд ты за всё лето не наловил столько рыбы, сколько в этот раз.

Лосось и рад был бы поспорить. Да ведь как спорить, когда старуха опять была права? Вот он и промолчал.

С тех пор, как на острове завелась корова, Лосось и Лососиха зажили как нельзя лучше.

Один только Принц недолюбливал корову, и, когда Лосося и Лососихи не было поблизости, он даже решался на нее лаять. Но это было больше от обиды, чем со зла. Всякая другая собака тоже обиделась бы на его месте: никто теперь не обращал на него внимания, и с утра до ночи он должен был слушать, как старик и старуха расхваливали эту бездельницу корову.

А ведь расхваливали они ее не зря! Корова и вправду была чистый клад!

Никаких хлопот хозяевам она не доставляла, — знай только дои ее утром, днем и вечером.

О корме она заботилась сама, — влезет в море и шиплет морские водоросли, словно это шпинат или клевер. Другая корова смотреть бы на такую траву не стала, а этой ничего другого и не надо, — всегда она ходила сытая, гладкая, и молока давала столько, что хоть продавай, хоть выливай, всё равно девать некуда.

Лосось и Лососиха нарадоваться на нее не могли.

От хорошей жизни они так раздобрили, что в городе их никто не узнавал. Да и как было не раздобреть, когда деньги на них так и сыпались.

Старуха сбивала масло целыми пудами, снимала сметану целыми бочками, а у старика пошла такая рыбная ловля, что он один не мог теперь управиться. Пришлось ему нанять двух работников себе в помощь. И когда бы он ни выезжал в море — в бурю или в штиль, — рыба целыми стаями шла в его сети.

О своей старой разбитой трубке и о просыпанной щепотке табаку рыбак и думать забыл. Ведь сейчас-то у него была такая трубка и такой табак, что студенты и те могли бы ему позавидовать.

А старуха теперь пила самый лучший кофе — и всегда свежей заварки! — подливая в него самые лучшие сливки.

Но уж известно, что человек никогда не довольствуется тем, что у него есть.

— Послушай,— сказала как-то Лососиха мужу,— нам нужен дом попросторней и получше. В этой жалкой хижине стало очень тесно.

— Твоя правда,— согласился старик. Он уже привык, что старуха была всегда права.

И он построил на скале отличный дом, с настоящими замками на дверях, с кладовой для рыбы, с погребом для молока, и даже нанял еще двух работников, потому что он теперь столько ловил рыбы—и лососей, и сига, и салаки, и окуней,— что в городе не хватало покупателей, и он повел торговлю с иноземными купцами.

— Всё это очень хорошо,— сказала как-то Лососиха,— но мне не под силу вести такое большое хозяйство и готовить на такую ораву. Не мешало бы нам нанять служанку для домашней работы.

— Раз нужно, так и найдем,— согласился с ней Лосось. И они наняли служанку.

Но, как водится, для Лососихи работы было много, а для служанки мало.

— Нашей служанке решительно нечего делать,— сказала как-то Лососиха мужу.— Она прекрасно могла бы управиться со всем хозяйством, если бы у нас была не одна корова, а три.

— Так за чем же дело стало?— сказал Лосось.— Спой песенку морскому царю, и он подарит тебе еще двух коров. Ему, видно, понравился твой голосок.

Лососиха ничего не ответила. Но вечером она велела работникам спустить лодку и отправилась на прежнее место— влево от большой отмели.

Там она запела свою прежнюю песенку, с той только разницей, что первый раз она просила у морского царя одну корову, а теперь просила двух:

Ахти, царь пучины пенной,
Двух коров мне дай молочных,
Золотого дай им сена,
Серебристых стеблей сочных!

Чтобы пышное их вымя
Час от часу набухало
И потоками густыми
Молоко всегда бежало!

Пропев эту песенку три раза, чтобы Ахти хорошенько ее расслышал, Лососиха вернулась на остров и легла спать.

А на другое утро по каменистому берегу гуляли уже три коровы.

— Я вижу, ты и вправду мастерица петь песни, — сказал Лосось (такая уж у него была привычка — посмеиваться над женой). — Ну, теперь, по крайней мере, тебе не на что жаловаться. У тебя есть всё, чего ты хотела.

— Не совсем, — сказала Лососиха. — Я хотела бы, чтобы у меня были две служанки, потому что одна не может управиться с таким большим хозяйством. Кроме того, мне хотелось бы купить себе хоть одно приличное платье. А то в моих тряпках стыдно уже показываться в городе. Ведь что там ни говори, а меня теперь величают сударыней.

— Ну, всё это я могу тебе устроить, если ты споешь мне так же хорошо, как морскому царю, — сказал рыбак.

— Ах, вот чего ты захотел! — сказала Лососиха. — Ну, для тебя у меня есть другие песни, — и она принялась честить и ругать его на все корки так, что Лосось не знал, куда ему деваться от этой музыки.

Как бы то ни было, а Марья Лососиха завела себе вторую служанку и накупила себе нарядные платья, какие подобает носить городской барыне.

Но не прошло и трех дней, как Лососиха сказала мужу:

— Наш остров похож на скотный двор. Всё-таки нельзя забывать, что наш ближайший сосед не кто иной, как сам морской царь Ахти. Это кое к чему обязывает. Прежде всего наш деревянный дом надо снести и вместо него построить каменный дом в два этажа, с башенкой и балкончиками. Потом надо привезти побольше земли и разбить около дома сад. В саду мы поставим беседку. Да не забудь еще нанять

музыканта, — у всех порядочных людей всегда бывают свои музыканты. Ты только представь, как это приятно: музыкант играет нам на контрабасе, а мы сидим в беседке и любимся вечерним морем... А кроме того, надо купить небольшой корабль, чтобы можно было ездить на берег даже в бурную погоду.

— А больше тебе ничего не надо? — сказал Лосось, посмеиваясь.

Но Лососиха так на него посмотрела, что он сразу замолчал. И не прошло трех дней, как на скале вырос каменный дом с башенкой и балкончиками, в саду стояла беседка, а музыкант наигрывал на контрабасе самые красивые мелодии...

Теперь скала Ахтола была такой нарядной, что морской царь мог не стыдиться своих соседей. Что же касается головлей, салакушек и прочих морских жителей, так они просто не могли опомниться от изумления. О Принце и говорить нечего, — он жил, как в сказке. На салаку он теперь даже не смотрел — ни на соленую, ни на копченую, а ел только жареную телятину и сливочные вафли. Немудрено поэтому, что он стал круглым, как бочонок из-под килек, — совсем подстать своим хозяевам.

А уж хозяева, как сыр в масле, катались.

— Теперь и желать-то нечего! — говорил Лосось.

— Я бы не сказала этого, — возразила Лососиха. — Три коровы в хозяйстве это не так уж много.

— Ну, так попроси у морского царя еще тридцать коров! — сказал Лосось. — Ведь денег это не стоит!

Лососиха так и сделала. На этот раз она вышла в море на своем новом корабле и, распорядившись, чтобы морской царь выслал ей тридцать коров, вернулась на остров.

А на следующее утро, когда Лососиха выглянула в окно, целое стадо чудесных коров паслось уже на берегу.

— Знаешь ли, что я скажу тебе, — заявила Лососиха за обедом, — здесь ужасно тесно на этой крошечной, дрянной скале. Моим коровам совершенно негде пастись.

Старик только пожал плечами.

— Я могу дать тебе очень полезный совет, — сказал он, наконец. — Попробуй выкачать море.

— Что за вздор ты мелешь! Как это можно выкачать море? — рассердилась старуха.

— А почему же нельзя? — сказал старик. — Ведь на твоём новом корабле есть насос.

Лососиха видела, что старик смеется над ней и не стала разговаривать. Но чем больше она молчала, тем больше она думала. И, наконец, придумала.

„Море выкачать, конечно, нельзя, — решила Лососиха, — но вокруг острова можно устроить большую насыпь. Я прикажу бросать в море камни до тех пор, пока наш остров не станет вдвое больше!“

И, не откладывая дела, она приказала грузить корабль камнями и песком и вместе со всеми работниками и даже музыкантом выехала в море.

Море было тихое-тихое, и музыкант, чтобы не терять времени даром, наигрывал на своем контрабасе разные красивые мелодии.

Он так хорошо играл, что сам морской царь Ахти, царица Велламо и все придворные русалки всплыли наверх, чтобы послушать чудесную музыку.

Царица Велламо была в своём самом лучшем наряде, со шлейфом из сверкающей кружевной пены, а морской царь Ахти надел свою самую лучшую корону, усыпанную жемчугом и бриллиантовыми брызгами.

— Что это там сверкает у кормы? — спросила Лососиха.

— Это морская пена блестит на солнце, — ответил музыкант.

— Ну, вот тут и начинайте выбрасывать камни, — приказала старуха. — Наверное, здесь не очень глубоко.

Корабль убавил ход, и работники принялись швырять камни прямо в морскую пену.

Ах, если бы Лососиха знала, чем всё это кончится! Она согласилась бы всю жизнь тесниться на маленьком островке, лишь бы не прогневить морского царя!

Но ей и в голову не приходило, какая беда ей грозит,

и, расхаживая по палубе, она покрикивала на работников, чтобы они живее пошевеливались. А уж те старались всю. Камни так градом и сыпались в море.

Один камень угодил в нос любимой прислужнице царицы, другой оцарапал щеку царице, а третий, как ножом, срезал полбороды у самого Ахти.

Ну и рассердился же морской царь! Волны забурили, словно кипящая вода в котле. Откуда ни возмись, налетел ветер, небо покрылось тучами, и поднялась такая кутерьма, что ничего нельзя было разобрать.

— Эй, команда! По местам! Держи руль!—закричала Лососиха. Она и на корабле распоряжалась так же решительно, как у себя дома.

Но никто ее не слышал, потому что море в эту минуту с грохотом разверзлось до самого дна, а потом снова сошлось над кораблем,—словно захлопнулась огромная щучья пасть.

Плохо же пришлось старухе. Она совсем было захлебнулась. Но тут ее взяло такое зло, и она так принялась бить руками и ногами по воде, что, в конце концов, выплыла на поверхность.

Конечно, до берега ей было не доплыть. Но на свое счастье она увидела контрабас, покачивавшийся на волнах. Старуха кое-как вскарабкалась на него и поплыла к берегу.

И вдруг рядом с ней из воды высунулась голова—страшная, взъерошенная, с косматыми бровями, с ободранной бородой.

Это был сам морской царь Ахти.

— Как ты смела бросать в меня камнями?—закричал он страшным голосом.

Лососиха вся задрожала от страха.

— Ах, ваше величество,—робко сказала она,—я очень жалею, что камешек задел вас. Помажьте бороду медвежьим салом, и она живо у вас отрастет. Даже еще пышнее станет.

— А, старая карга, ты еще разговариваешь!—закричал морской царь. —Погоди, я покажу тебе, как бросаться камнями! И это в благодарность за мои подарки!..

— Не сердитесь, ваше величество, я не хотела вас обидеть. Я совсем забыла, что вы не любите, когда в вас бросают камни.

— Вот как, забыла! А где серебро луны холодной, где золото дневного света, которые ты мне обещала? Тоже забыла?

— Что вы, что вы, ваше величество! Как можно! Но разве луна и солнце не служат вам каждую ночь и каждый день, если только погода ясная? Я всегда вижу, как солнце по утрам выходит прямо из самого моря, а луна купается по ночам в ваших владениях.

— Ну и хитрая же ты ведьма! погоди, вот я тебя проучу!—заревел морской царь и так поддал контрабас, что он взлетел точно снаряд, пущенный из пушки, и со всей силы врезался прямо в скалу...

Долго лежала Лососиха, не смея пошевелинуться.

Наконец, она с трудом приподнялась, сделала несколько шагов и растерянно посмотрела по сторонам.

У самого берега бродил Принц, такой же тощий, как прежде, и глодал воронью кость. Неподалеку сидел Лосось в старой, заплатанной куртке и чинил порванный невод.

— Что с тобой, жена?—спросил Лосось, взглянув на Лососиху.—У тебя такой вид, словно ты с луны свалилась!

Лососиха хорошенько протерла глаза, опять оглянулась по сторонам и, наконец, спросила:

— Где же наш дом?

— Ну, матушка, ты, видать, совсем заспалась. Дома своего не узнаешь.

— Да нет, где новый дом, двухэтажный, с башенкой, с садом и беседкой? И где наши чудесные коровы?

— Ты совсем спятила, голубушка,—сказал Лосось.— Пойди вылей себе на голову холодной воды. Вчера на море ты пела какую-то чепуху, вот тебе чепуха и приснилась.

— Но я своими глазами видела морского царя Ахти,—не унималась старуха.

— Ну да, во сне и видела. Скажи лучше мне спасибо, что я тебя не разбудил спозаранок и сам съездил за сетью. Ночью-то какая буря была! Сеть всю в клочья изорвало! Хорошо еще, что не унесло в море.

— Но вон на берегу лежит контрабас нашего музыканта, — твердила старуха.

— Хорош контрабас! Это же старое бревно, а не контрабас.

— Ты можешь говорить всё, что тебе угодно, но я прекрасно знаю, что и дом, и коровы, и корабль — всё это у нас было на самом деле. И если бы камень не попал в морского царя, — мы бы и теперь были самыми богатыми людьми во всей округе.

— А я прекрасно знаю, — сказал Лосось, — что если бы вчера я не послушался тебя, наша сеть и теперь была бы целехонька. Нет уж, в другой раз ты меня, голубушка, не собьешь с толку. Я всегда говорил, что лучше всякого календаря знаю, когда будет буря, а когда не будет. И теперь скажу то же самое.

САМПО-ЛОПАРЧЁНОК

Жили-были на свете муж и жена — лопарь и лопарка.
А знаешь ли ты, что за народ лопари и где они живут?
Вот послушай, сейчас я тебе расскажу.

Далеко-далеко на севере есть страна Лапландия.

Удивительная это страна! Там не бывает дня и ночи, как у нас. Полгода там темно, солнце никогда не всходит над землей, даже краешка его не видно, и днем, — так же, как ночью, — на небе горят звезды.

А потом наступает такой же долгий светлый день, солнце никогда уже не заходит, и ночью, — так же, как днем, — светит на небе.

Зима там тоже не такая, как у нас. Она тянется целых

десять месяцев — почти весь год, — а на весну, лето и осень остается всего только два месяца.

Вот в этой-то стране и живут лопари.

Зимы они не боятся. У всех у них есть одежда из оленьего меха — такая теплая, что сквозь нее никакой мороз не проберется.

А ездят они повсюду на сани.

Сани у лопарей не такие, как у нас. Они легкие, узкие и называются „пулка“.

И в упряжке ходят там не лошади, а олени.

Ты видел когда-нибудь северного оленя?

Он немного поменьше лошади, шерсть у него серая, шея короткая, на маленькой голове, словно корона, красуются ветвистые рога.

И когда олень несется стрелой по горам, даже ветер не может его догнать. Снег так и брызжет из-под его ног, клубящимся облаком стелется за ним по земле. А он бежит, не зная усталости, и копытца его четко постукивают, как будто выбивают дробь.

А знаешь ли ты, из чего делают лопари свои дома? Не из дерева и не из камня, а из меха. Такие дома и построить нетрудно и с места на место перевезти легко.

Делают их так: втыкают в снег несколько длинных, тонких жердей, свободные концы связывают вместе и покрывают оленьими шкурами. Вот и всё. Жилище готово. И называется оно не дом, не изба, а юрта.

На верху юрты оставляют небольшое отверстие — оно служит вместо печной трубы. А внизу, с южной стороны юрты, тоже оставляют отверстие — оно служит вместо дверей, через него можно вползти в юрту и выползти из нее.

Вот как живут лопари! Вот какая это страна!

А теперь начнем сказку сначала.

Жили-были в Лапландии муж и жена — лопарь и лопарка. Они жили в местечке Аймио, на берегу реки Танайоки, — для краткости ее называют еще Тана.

Берега Таны неприветливы и дики, но лопарю и его жене

место это очень нравилось. Они даже были уверены, что нигде больше нет такого белого снега, таких ясных звезд, такого красивого северного сияния, как в Аймио.

Здесь они построили себе юрту — такую, какую строят все лопари.

Юрта получилась очень хорошая — так, по крайней мере, думали лопарь и лопарка. В ней было тепло и удобно, хотя спать надо было прямо на полу, а полом служил прибитый снег.

У лопаря с женой был маленький мальчик, которого они называли Сампо — по-лапландски это значит „счастье“. Но у него было и другое имя. Если ты хочешь знать, как случилось, что у него было два имени, — послушай, я тебе расскажу.

Однажды к юрте подъехали какие-то чужие люди в огромных неуклюжих шубах. Они уже много дней были в пути и очень устали. Лопарка пустила их в юрту и накормила вареной олениной, а они угостили хозяев белыми твердыми кусочками снега, который они называли сахаром. Этот снег был очень вкусный и очень сладкий. Сампо с удовольствием грыз его, а гости весело смеялись, похлопывали Сампо по спине и приговаривали: „Лопарченок! Лопарченок!“ Больше они ничего не могли сказать по-лопарски.

Потом они уехали. Старой лопарке очень понравились эти чужие люди. Она часто вспоминала сладкий снег, который они привозили, и даже стала называть сына так же, как они: „Лопарченок“.

Но старому лопарю это было не по душе.

— Разве Сампо плохое имя? — говорил он с досадой. — Сампо — значит счастье, а уж что может быть лучше счастья? Говорю тебе, старуха, не следует шутить этим именем. Увидишь еще, наш Сампо будет когда-нибудь королем Лапландии, повелителем пятидесяти шалашей и хозяином тысячи оленей.

— Это совершенно верно, — говорила лопарка, — но не знаю, что плохого в том, что я называю его Лопарчёнком.

И она называла его Лопарчёнком, а отец называл Сампо. Поэтому мы будем называть его Сампо-Лопарчёнок.

Сампо-Лопарчёнок был маленький, коренастый мальчуган. У него были черные волосы, узенькие карие глаза, широкий приплюснутый нос и рот, что называется, до ушей.

Короче говоря, он был, как две капли воды, похож на своего отца, а старый лопарь слыл среди земляков первым красавцем.

Сампо-Лопарчёнку было всего семь лет, а не всякий и в пятнадцать бывает так смел и ловок, как он.

У него были свои собственные маленькие лыжи, на которых он, не задумываясь, съезжал с самого высокого сугроба; у него была своя собственная маленькая пулка и свой собственный маленький олень, которым он отлично умел управлять.

Ух, какой поднимался вихрь, когда Сампо нёсся на своем олене по высоким сугробам! Маленького лопарчёнка совсем не было видно в снежных облаках, и только изредка то там, то тут мелькала его меховая шапка.

— Надо бы мальчика отдать в школу, — сказала как-то мужу старая лопарка. — Нехоршо, что он ездит один, куда ему вздумается. На него могут напасть волки. Или — еще того хуже — он попадет на глаза золоторогому оленю. А золоторогий олень это не то, что наши домашние олени. Он сам себе хозяин и не служит никому из людей. И он такой сильный, что с ним никому не справиться. Я слышала, что золоторогий олень может убить самого большого волка одним ударом своих рогов.

— Вот это, верно, замечательный олень! — воскликнул Сампо-Лопарчёнок (он слышал всё, что говорила его мать). — Ах если бы мне такого! На нем можно бы даже на Растекайс поехать!

А надо тебе сказать, что Растекайс — самая высокая, самая неприступная гора во всей Лапландии. Она одиноко стоит среди снежной пустыни, и её мрачная вершина видна на много миль кругом.

— Перестань болтать глупости, — прикрикнула лопарка

на сына. — Растекайс — пристанище всякой нечистой силы Там живет сам Хиси.

— Хиси? — переспросил Сампо-Лопарчёнок. — А кто это такой?

Старая лопарка спохватилась.

„Мне не нужно было говорить об этом, — подумала она. — Впрочем, пусть знает. Не мешлет немного припугнуть его, чтобы навсегда отбить охоту ездить на Растекайс. А то очень уж он смел“.

И она сказала:

— Хиси — это горный король, страшный, злой великан. Страшнее и сильнее его нет ни одного великана на свете. Он может проглотить оленя с рогами и с копытами, а маленьких мальчиков глотает целыми пригоршнями, как комаров.

„Вот было бы интересно посмотреть на такого великана! — подумал Сампо-Лопарчёнок. — Издали, конечно!“

Но он ничего не сказал.

Прошло много дней.

Было самое скучное время года.

Кончился старый год, наступил новый, а тьма была всё такая же. Утро ничем не отличалось от вечера, полдень — от полночи. Всё время тянулась непроглядная, бесконечная ночь, всегда светила луна, всегда горели звезды, и на темном небе вспыхивало северное сияние.

Всё это, конечно, очень красиво, но когда изо дня в день видишь одно и то же, становится скучно.

Поэтому стало скучно и Сампо-Лопарчёнку. Больше всего ему хотелось, чтобы появилось солнце. Правда, он так давно не видел солнца, что даже забыл — какое оно?

А когда отец и мать говорили ему о лете, он только и мог вспомнить, что летом очень много комаров и они такие злые, что готовы живьем съесть всякого — в том числе и Сампо.

Он даже подумывал иногда, что было бы неплохо, если бы лето никогда не наступало, — лишь бы только стало немного светлее. А то очень уж трудно ходить на лыжах.

И вот однажды в полдень (хотя темно было так же, как в полночь) старый лопарь позвал сына:

— Поди-ка сюда, Сампо, я тебе покажу кое-что.

Сампо выполз из юрты.

— Посмотри туда, — сказал отец и показал рукой на юг.

Далеко, далеко, на самом краю неба, Сампо увидел маленькую красноватую полоску, очень похожую на красноватые отблески северного сияния.

— Знаешь ли ты, что это такое? — спросил лопарь.

— Это южное сияние, — смело ответил Сампо. Он прекрасно знал, где находится север и где юг, и сразу рассудил, что на юге не может быть северного сияния.

— Нет, — сказал старый лопарь, — это не южное сияние. Это солнце послало своих гонцов сказать, что завтра оно взойдет. Да ты погляди-ка на запад, вон как лучи освещают Растекайс.

Сампо повернулся на запад (он умел находить запад так же хорошо, как находил север и юг) и даже раскрыл рот от удивления: мрачная, темная вершина Растекайса была точно выкрашена красной краской.

„Ах, хотелось бы мне посмотреть, что теперь делает великан Хиси, — подумал Сампо-Лопарченок. — Только бы разок взглянуть! Издали, конечно!“

Но он ничего не сказал.

Весь этот день Сампо-Лопарченок только и думал, что о великане Хиси.

Интересно, какая у него юрта? Наверное, величиной с гору. И ведь сколько надо оленьих шкур, чтобы покрыть ее!.. А когда Хиси съезжает на своей пулке с горы, в упряжке бежит, наверное, целое стадо оленей!

Даже ночью Сампо-Лопарченок не мог заснуть и всё думал о том, сколько оленьих шкур пошло на сапоги Хиси и может ли он достать рукой до неба, когда выпрямится во весь рост.

Нелегко лежать спокойно, когда надо решить такую трудную задачу. Поэтому дело кончилось тем, что Сампо-

Лопарчёнок выкарабкался из-под оленьих шкур, которыми его укрыла мать, и выполз из юрты.

Мороз стоял трескучий. Звезды на небе горели, как угольки, а снег под ногами скрипел от каждого шага. Но Сампо-Лопарчёнок холода не боялся. И это не удивительно. На нём была надета куртка из оленьего меха, меховые штаны, меховые сапоги, меховая шапка и меховые рукавицы. Когда на тебе такой наряд, — никакой мороз не страшен.

Сампо-Лопарчёнок стоял, повернувшись лицом к югу, и старательно всматривался в небо — не покажется ли, наконец, солнце?

И вдруг он услышал, как его маленький олень скребет копытом снег.

„Хорошо бы немного прокатиться!“ — подумал Сампо-Лопарчёнок.

Сказано — сделано. Сампо быстро запряг оленя в свою пулку, и они помчались по пустынной снежной равнине.

„А что если поехать на Растекайс? — опять подумал Сампо. — Конечно, на самую гору я не буду взбираться, а только посмотрю — какая она вблизи“.

Решено — и сделано.

Сампо-Лопарчёнок погнал своего оленя на запад и, чтобы он бежал еще быстрее, запел песню:

Несись, мой оленёнок
С ветвистыми рогами,
В просторах, убеленных
Пушистыми снегами!
И лед пусть будет звонок
Под быстрыми ногами!
Скорей!
Здесь вьюги строят
Высокие сугробы.
Скорей!
Здесь волки воют
От голода и злобы
На добрых лопарей.
Скорей, олень, скорей!

И верно, волки, точно серые собаки, бежали уже за санями. Сампо видел, как в темноте горят у них глаза.

Но он нисколько не боялся волков.

Он хорошо знал, что никогда волкам не догнать его милого оленя. У-ух! Ну и мчался же сейчас олень! У Сампо даже в ушах свистело. Он отпустил вожжи, и олень бежал так быстро, как ему хотелось.

Веселая это была езда! Копытца оленя звонко постукивали, месяц в небе мчался с ним вперегонки, а высокие горы неслись навстречу.

И вдруг—раз!—пулка опрокинулась, и Сампо-Лопарчёнок кубарем покатился в снег.

Олень, не чуя беды, летел всё вперед и вперед, а Сампо даже не мог крикнуть, потому что рот у него был набит снегом.

Прошло немало времени, пока Сампо-Лопарчёнок выкарабкался из сугроба.

Над ним—без конца и без края—было холодное темное небо, а вокруг него—без конца и без края—лежала снежная пустыня.

Он был совсем один среди тьмы и снегов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Сампо-Лопарчёнку в первую минуту стало немного страшно. Правда, он был цел и невредим, даже совсем не ушибся. Но это было плохое утешение. Всё равно ему не найти дороги домой, всё равно он непременно замерзнет в этой снежной пустыне.

Сампо-Лопарчёнок огляделся по сторонам. Всюду снег, снег, снежные поля, снежные горы. И над всеми горами возвышалась одинокая мрачная гора. Черная тень от нее широкой, прямой полосой падала на искрящийся снег, словно показывала дорогу к подножию.

— Да ведь это Растекайс!—догадался Сампо-Лопарчёнок.

Вот здесь, на этой горе живет страшный великан Хиси, который разом съедает целого оленя, а маленьких мальчиков глотает, как комаров.

Ах, как страшно стало Сампо-Лопарчёнку! Как захотелось ему быть подальше от этой горы! Много бы сейчас

он дал, чтобы оказаться около отца с матерью в теплой юрте, где так хорошо пахнет оленьим жиром.

Сампо-Лопарченок даже заплакал.

Но посуди сам, какая польза плакать, когда слезы сразу же замерзают и, точно орехи, скатываются по мохнатой куртке. Поэтому Сампо-Лопарченок решил, что плакать не стоит, тем более, что мороз с каждой минутой усиливался, и ему приходилось всё время приплясывать на месте, чтобы не заоченеть. А какие же могут быть слезы, когда всё время плясешь?

Скоро Сампо-Лопарченок немного согрелся и повеселел.

— Пойду-ка я к горному королю, — решил он. — Если король захочет меня съесть, — ну что ж поделать! — пусть съест. Конечно, было бы лучше, — и для меня и для него, — если бы он съел волка. На мне ведь столько всего надего — и куртка, и штаны, и шапка, и рукавицы, и сапоги, — а у волка всего одна шкура. Кроме того, меня горный король съест и даже не почувствует, а волков тут много, ими можно хорошо наестся. Я так и скажу королю.

И Сампо-Лопарченок смело зашагал прямо к горе. Он был у самого подножья, как вдруг услышал за спиной какое-то пыхтение.

Сампо-Лопарченок оглянулся. В двух шагах от него стоял огромный лохматый волк.

Маленькое сердечко Сампо ёкнуло, но он и виду не показал, что испугался.

— Эй, не вздумай стать мне поперек дороги! — крикнул он волку. — Я иду к горному королю. У меня к нему очень важное дело. И если тебе дорога шкура, советую не трогать меня.

— Ну, ну, потише, не очень-то важничай, — сказал волк (на Растекайсе все звери умеют говорить). — Кто ты такой?

— Меня зовут Сампо-Лопарченок. А ты кто такой?

— Я — вожак волчьей стаи его величества горного короля, — ответил волк. — Сейчас я рыскал по всем горам и равнинам и сзывал подданных короля на праздник ночи.

Раз уж нам с тобой по дороге, садись ко мне на спину, я, так и быть, довезу тебя до вершины.

Сампо-Лопарченок не стал долго раздумывать. Он вскочил на волка, и они помчались через горные ущелья и пропасти.

— Скажи, пожалуйста, что это за праздник ночи, о котором ты говоришь?—спросил по дороге Сампо.

— Неужели ты не знаешь?—удивился волк.—Сегодня ведь должно взойти солнце. Перед его восходом на Растекайсе собираются все звери, все тролли и гномы, какие только живут на севере. Они собираются, чтобы проститься с ночью. И пока длится этот праздник, никто никого не смеет обидеть или причинить кому-нибудь зло. Таков закон его величества горного короля Хиси. Потому-то я и не съел тебя. Тебе здорово поездо, Сампо-Лопарченок! Повстречайся ты мне немного раньше или немного позже,—от тебя не осталось бы даже косточки.

— А что, горный король тоже никого не трогает, пока длится праздник?—спросил Сампо-Лопарченок.

— Ну, конечно,—ответил волк.—Никто, даже сам король, не посмеет тронуть волоска на твоей голове. Комар и тот мог бы сейчас пищать над ухом короля, сколько ему вздумается, и король даже не замахнулся бы на него. Целых два часа в году на Растекайсе царит мир—он начинается за час до восхода солнца и кончается через час после того, как солнце взойдет. Олени в это время разгуливают под носом у медведей, горные крысы мирно беседуют с росомахами. Но горе тебе, если ты останешься на Растекайсе хоть одну лишнюю минуту! Сто тысяч волков и тысячи медведей набросятся на тебя. И если ты даже уйдешь от них, тебе всё равно не уйти от горного короля.

— Милый волк, не будешь ли ты так добр и не поможешь ли мне выбраться отсюда?—робко спросил Сампо-Лопарченок.

Волк рассмеялся (на Растекайсе все волки умеют смеяться).

— Ну, на меня не рассчитывай!—сказал он.—Признаюсь тебе по совести, что я первый схвачу тебя. Я вижу, что ты неплохо откормлен—оленье молоко и олений сыр.

пошли тебе впрок, — и я с удовольствием позавтракаю тобой, когда праздник кончится. — И сказав это, волк щелкнул зубами и даже облизнулся.

А у Сампо-Лопарчёнка мурашки побежали по спине.

„Пожалуй, было бы самое лучшее, пока есть время, уйти подальше от этого места“, — подумал он.

Но они уже достигли вершины Растекайса.

Как же тут было уйти? Ведь не каждый день можно увидеть горного короля. Да и посмотреть, как справляют звери праздник ночи, — тоже интересно. Пожалуй, не было еще на земле человека, который мог бы этим похвастаться.

И Сампо-Лопарченок остался.

Он слез со спины волка и притаился за горным уступом. Хотя по закону горный король не смел сейчас тронуть даже комара, всё-таки лучше было держаться от него подальше!

Так вот он какой — этот великан, самый страшный из всех великанов на свете!

Он сидел на каменном троне и свысока глядел на своих подданных.

На голове у него была шапка из снежного облака, глаза у него были как две полные луны, нос — словно каменный утес, рот — как расщелина в горе, борода — как заледенелый водопад. Руки у него были длинные и толстые, как стволы горных сосен, пальцы цепкие, как еловые ветви.

У ног горного короля жались тысячи гномов и троллей.

Приходилось ли тебе когда-нибудь их видеть?

Это крошечные существа — такие маленькие, что следы от их ног на снежном насте легко принять за беличьи. От самой макушки до самых пяток гномы и тролли совсем серые. У них серые волосы, серые носы, серые глаза, серые зубы, серые руки и серые ноги. И даже колпачки на голове они носят тоже серые.

В этот час гномы и тролли собрались на вершину Растекайса со всего света, отовсюду, где царит мрак и холод, — с Новой Земли, со Шпицбергена, из Гренландии, из Исландии, даже с самого Северного полюса.

Известно, что гномы и тролли минуты не могут сидеть на месте, они всегда скачут, пляшут, кувыркаются, ходят на голове, а сейчас все они притихли, и от мысли, что зимней ночи приходит конец, готовы были плакать.

Да и как тут не плакать!

Хорошо, когда темно! В темноте и напугать всякого легко и с пути сбить просто, в темноте от самого горного короля спрячешься, в темноте все гномы — серые, а взойдет солнце — и конец привольному житью. Солнечные лучи повсюду заберутся, все углы-закоулки осветят, весь снег растопят, на чистую воду всех выведут. Плохо, когда светло!

Немного поодаль от королевского трона толпились все звери — большие и маленькие, — какие только водятся в Лапландии: неуклюжие медведи и коварные волки, хитрые росомахи и кроткие олени, пронырливые горные крысы и бойкие олени блохи. Только комары не явились на праздник — они так замерзли, что не могли даже шевельнуть крылышками.

Сампо-Лопарченок во все глаза смотрел на это удивительное сборище.

И вот горный король тряхнул головой, — и сразу с шапки его повалил снег, кругом завывала метель, закружил снежный вихрь.

Вот он поднял руку, и на небе запылало северное сиянье. То разгораясь, то потухая, оно трещало и шумело, словно лес во время пожара, когда огонь взбегает по стволам деревьев; оно то зеленело, то краснело, и молнией перебегало по горным хребтам, выхватывая из тьмы вершину за вершиной.

Горный король опустил руку, — и северное сиянье сразу потухло.

Он снова поднял руку, — и снова заиграли, заискрились холодные неровные лучи.

И вдруг точно гром прокатился по всему небу — это заговорил горный король.

— Слушайте меня и запоминайте! Отныне и навсегда свет на земле будет покорен моей власти. Отныне и навсегда

солнце не смеет показываться на небе! Так я хочу! Так будет! Так должно быть! Отныне и навсегда пусть царит на земле вечная тьма. Так я хочу! Так будет! Так должно быть!

Конечно, это было сказано очень смело, даже более чем смело — просто легкомысленно. Горный король отлично знал, что каждый год солнце всходило, и не было никаких причин, чтобы оно не взошло на этот раз. Но ведь известно, что многие верят только тому, чему хотят верить.

А тут еще все кругом послушно повторяли слова короля, и громче всех ему вторило эхо.

— Так я хочу! Так будет! Так должно быть! — пронеслось по горам.

Услышав эти слова, гномы и тролли завизжали, запрыгали, запищали и, как сумасшедшие, принялись выкрикивать на все голоса:

— Вечная тьма и вечный холод! Так хочет король! Так хотим мы! Так будет! Так должно быть!

Но тут среди зверей поднялся глухой ропот. Волки и медведи были очень довольны, что отныне и навсегда будет вечный мрак и вечная зима. Горные крысы, у которых никогда не было собственного мнения, сразу поддержали их. Но олени и прочие звери ничего не имели против лета, хотя лапландская мошкура порядком надоедала им в летние месяцы.

А маленькая оленья блоха решительно запротестовала против вечной зимы и вечной ночи.

— Как же так, — пропищала она и подпрыгнула во всю свою прыть, чтобы ее лучше видели (недаром она слыла самой бойкой на всей горе), — как же так? Ведь мы собрались сюда, чтобы проститься с ночью. А раз ночь кончится, значит настанет день, и взойдет солнце. Так и раньше всегда было.

— Замолчи, жалкая тля! — заревел белый медведь. Он уже занес лапу, чтобы придавить ее, но во-время удержался. — Сегодня у нас праздник не такой, как всегда. Сегодня у нас будет настоящее веселье! Солнце никогда больше не взойдет! Солнце погасло! Солнце умерло!

— Солнце погасло! Солнце умерло!—завыли волки, и даже ледяные горы и каменные скалы вздрогнули от ужаса.

А тролли принялись прыгать и хлопать в ладоши так, что даже колпачки слетели у них с головы.

И снова раздался громовой голос горного короля:

— Знайте все—солнце погасло! Солнце умерло! Всё живое на земле будет теперь поклоняться мне—царю вечной зимы и вечной ночи!

Тут уж Сампо-Лопарчёнок не мог удержаться, он вышел вперед и, задрав голову, крикнул во весь голос:

— Ты лжешь, горный король! Солнце не умерло! Я сам видел вчера в облаках его гонцов! Солнце взойдет! И твоя борода еще растает, когда солнечные лучи покажутся над землей. Вот увидишь!

Это была такая дерзость, что все звери замерли в страхе, не смея взглянуть на короля. И верно, на него было страшно смотреть. Над головой его сошлись черные тучи, лицо потемнело, брови сдвинулись. Наступила такая тьма, что даже звезды в небе померкли.

— Кто ты такой, что посмел прийти сюда и спорить со мной?—страшным голосом спросил горный король.

— Почему же мне не спорить с тобой, если ты говоришь неправду,—сказал Сампо-Лопарчёнок.—А если ты хочешь знать мое имя—изволь, я скажу его: отец зовет меня Сампо, а мать...

Но горный король не дал ему кончить.

— Для того, чтобы проглотить тебя, мне довольно знать, как зовет тебя отец!—И он протянул свою огромную страшную ручищу, чтобы схватить Сампо-Лопарчёнка.

Но тут вдруг яркие слепящие лучи прорезали тьму и ударили прямо в лицо великану.

Это было так неприятно, что горный король зажмурился и опустил руку.

А в это время золотой край солнца стал медленно и торжественно подниматься над землей.

Солнце осветило горные хребты, ущелья, снежные пустыни, заледеневшие сугробы, осветило всех гномов и троллей, всех зверей и маленького храброго Сампо-Лопарчёнка.

Солнце весело посмотрело всем в глаза, заглянуло во все сердца. И всем почему-то сразу стало весело. Даже тролли с Северного полюса, которые больше всех ненавидели солнце, вдруг обрадовались, когда оно взошло. Правда, они из-за всех сил жмурили глаза и закрывали лицо ладонями, чтобы не видеть это противное солнце, но всё это было одно притворство, — на самом деле они очень обрадовались солнечному свету.

Дело кончилось тем, что от радости они совсем потеряли голову и даже стали ходить вверх ногами. Это служит у троллей знаком того, что они находятся наверху блаженства.

А горный король не мог и прикрикнуть на них как следует, потому что у него самого понемногу начало таять сердце, хотя добраться до его сердца нелегко даже солнечным лучам. Но что было еще хуже — начала таять его борода, и скоро она бурным потоком побежала по его шубе.

Трудно сказать, сколько прошло времени с тех пор, как взошло солнце, — никто об этом не думал, даже Сампо-Лопарчёнок.

И вдруг он услышал, как за его спиной олень сказал своему детенышу:

— Пойдем, сын мой! Пора! Наше время истекает, надо скорей уходить отсюда, пока волки не смеют нас тронуть!

Тут и Сампо-Лопарчёнок вспомнил, какая опасность грозит ему, если он останется на Растекайсе хотя бы одну лишнюю минуту. Он поглядел по сторонам — олени уже почти все ушли. И вдруг он увидел великолепного оленя с чудесными золотыми рогами. Гордо подняв голову, олень пробирался сквозь сборище волков и медведей, которые, глядя на него, жадно щелкали зубами.

Недолго думая, Сампо-Лопарчёнок вскочил оленю на спину, и они понеслись во весь дух с горы.

В другое время золоторогий олень ни за что не позволил бы человеку сесть к нему на спину, но сейчас ему было не до того.

— Что за топот слышен позади нас? — спросил Сампо-Лопарченок, когда они уже были у подножья горы.

— Это тысяча медведей скачут по нашим следам, чтобы растерзать нас на куски, — ответил золоторогий олень. — Но не бойся — еще ни одному медведю не удавалось догнать меня.

И он неслся — через обрывы и пропасти — всё вперед и вперед.

— Что это за пыхтение слышится позади нас? — опять спросил его Сампо-Лопарченок.

— Это сто тысяч волков гонятся за нами, чтобы съесть нас живьем, — ответил олень. — Но не бойся, разве какому-нибудь волку догнать меня!

И он понесся так быстро, что его копыта едва касались земли.

— Что это за гром гремит позади нас? — опять спросил Сампо-Лопарченок. — Может быть, это горы обвалились?

— Нет, — ответил золоторогий олень, и Сампо-Лопарченок почувствовал, как задрожала у оленя каждая жилка. — Это сам горный король гонится за нами. Теперь мы оба пропали. От него никто не может уйти.

— Милый олень, давай спрячемся где-нибудь, — сказал Сампо-Лопарченок.

— Нет, — ответил олень, — от горного короля нельзя спрятаться. Но если мы успеем доскакать до озера, где стоит домик школьного учителя, мы будем спасены. Горный король не имеет власти над тем, кто сильнее его.

— Да разве школьный учитель сильнее горного короля? — просил Сампо-Лопарченок. — Ведь горный король может раздавить его одним пальцем.

— Это верно, — сказал золоторогий олень, — но дело в том, что школьный учитель совсем не боится горного короля, потому-то он и сильнее его.

— Так мчись же, мой добрый олень, скорее, мчись по горам и долам, и, когда мы вернемся домой, я накормлю тебя свежим овсом из деревянных яслей!

Но оленя не надо было просить, он и так бежал быстрее быстрого, быстрее вихря, не бежал, а летел. А тяжелый топот позади слышался всё ближе и ближе, всё громче и громче.

Вот уж домик школьного учителя совсем рядом. Одним прыжком олень перелетел ограду, ворвался в сени и, едва дыша, грохнулся на пол. А Сампо-Лопарченок кубарем отлетел к стене.

И не успела дверь за ними захлопнуться, как горный король уже бушевал во дворе. Он так стучал в дверь, что, казалось, весь домик сейчас разлетится в щепки.

А учитель преспокойно подошел к двери и спросил:

— Кто там стучит?

— Ты еще спрашиваешь, кто стучит?—громовым голосом закричал великан. И вся земля затряслась, а домик пошатнулся. — Это я! Отворяй дверь горному королю! У тебя тут спрятался мальчишка, которого я хочу проглотить за то, что он посмел со мной спорить.

— Ах, ваше величество, простите, вам придется подождать. Я должен надеть свой парадный костюм и повязать на шею галстук, чтобы с честью встретить такого высокого гостя.

— Ладно уж,—прогремел горный король.—Да смотри поторапливайся, а не то я и тебя проглочу, хоть ты и без галстука!

— Нет, нет, как это можно, ваше величество,—воскликнул учитель.—Я непременно должен повязать галстук!

Потом он поманил Сампо-Лопарчénка в самую дальнюю комнату и спросил его:

— Откуда ты, малыш? Я никогда раньше не видел тебя в школе.

— А я никогда раньше и не был в школе,—ответил Сампо-Лопарчénок.—Я живу на берегу реки Таны.

— Как же ты попал сюда?—удивился учитель.

— Дело в том, что я был на вершине Растекайса, — сказал Сампо-Лопарчёнок, — и у нас с горным королем вышел спор. Он сказал, что солнце никогда больше не взойдет, а я сказал, что оно непременно взойдет! И я был прав. Но всё-таки горный король почему-то хочет меня съесть.

— Это, конечно, несправедливо, — сказал учитель. — А скажи мне, как тебя зовут?

— Мать зовет меня Лопарчёнок, а отец...

Но в это время стены домика опять зашатались.

— Ну, скоро ты будешь готов? — прогремел горный король.

— Сейчас, сейчас, ваше величество, — ответил учитель. А сам подошел к печке, которая почти совсем потухла, и подбросил несколько поленьев. Поленья мигом вспыхнули, и жаркий огонь загудел в трубе.

— Эй ты! — закричал горный король. — Советую тебе поторопиться. — А не то я растопчу сейчас твой дом!

И он уже занес ногу над крышей, но сразу же отдернул, потому что из трубы посыпались искры, и великан так обжег себе пятку, что чуть не завыл от боли.

Тут как раз дверь отворилась, и вышел учитель. На шее у него был повязан самый лучший — в красную горошину — галстук, а в руках у него была яркая лампа. Он поднял лампу как можно выше и почтительно сказал:

— Прошу простить меня, ваше величество, что я заставил вас ждать...

Но горный король даже не дал ему кончить.

— Как ты смеешь светить мне в глаза — мне, королю вечного мрака! — закричал король и поскорее зажмурился. Он боялся яркого света так же, как маленькие дети боятся темной комнаты. — Где мальчишка? Я спрашиваю, где мальчишка, который смел со мной спорить? Его зовут Сампо.

— Сампо? Простите, ваше величество, но здесь нет такого мальчика. Если хотите, вы можете сами поглядеть. — И он еще выше поднял лампу.

— Что? Ты, кажется, тоже вздумал спорить со мной? — загремел горный король.

И он протянул свою страшную ручищу, чтобы схватить учителя. Но так как он очень боялся ослепнуть от лампы, то открыть глаза он не решался. Поэтому учителю ничего не стоило увернуться от горного короля. Он ушел у него, можно сказать, из-под самых пальцев.

Тут уж горный король чуть не лопнул от злости. Он топал ногами, тряс головой и, в конце концов, разразился такой снежной метелью, что в один миг весь домик был занесен снегом до самой крыши. Только кончик трубы высовывался еще наружу, а через минуту и его не стало видно.

И когда горный король решил приоткрыть глаза, — кругом была тьма, холод и снег.

— Ну-ка, теперь поспорь со мной! — закричал горный король и зыскагал к себе на Растекайс, прихрамывая на одну ногу.

А на утро взошло солнце, весь снег растаял, и маленький домик, словно умытый талым снегом, снова стоял, как ни в чем не бывало.

Сампо-Лопарченок поблагодарил учителя и стал собираться в путь.

Учитель дал ему свою пулку, Сампо-Лопарченок впряг в нее золоторого оленя, и они помчались к берегам реки Танайоки, домой, к родным местам.

А старый лопарь и его жена уже оплакивали своего сына. Да и что еще им оставалось делать! Маленький олень давно уже вернулся с пустой пулкой. Теперь и надеяться было не на что. Конечно же, Сампо-Лопарченька съели волки.

— Гот, отец, — говорила старая лопарка, утирая слезы, — хоть и называл ты нашего сына Сампо, а не принесло это ему счастья.

— Это ты отпугнула от него счастье, — говорил старый лопарь, тяжело вздыхая. — Не называла бы ты его по-другому, так и не случилось бы с ним беды.

Зато и обрадовались же старики, когда Сампо-Лопар-

чѐнок, живой и невредимый, подкатил к юрте, да еще на золоторогом олене!

— Видишь, жена, — сказал старый лопарь, — не зря я называл сына Сампо. Он у нас и вправду счастливый.

— Да разве я что говорю! — согласилась жена. — Только, по-моему, и Лопарчѐнок имя неплохое. И уж если человеку на роду написано быть счастливым, так никаким именем счастье от него не отпугнешь.

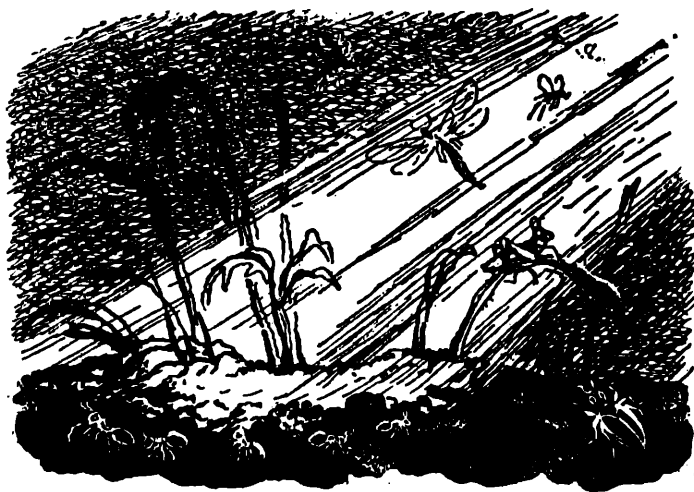
И она попрежнему называла сына Лопарчѐнком, а отец называл его Сампо.

С той поры зажили они все по-старому, по-хорошему

И золоторогий олень остался с ними. Ему очень понравилось свежее зерно, которым накормил его Сампо-Лопарчѐнок, и он не захотел никуда уходить.

А когда Сампо-Лопарчѐнок вырос и стал сильным и храбрым, как учитель, он каждый день кормил своего оленя золотым овсом из серебряных яслей. А где и как он раздобыл золотой овес и серебряные ясли, — об этом расскажем в другой раз.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ В НОЯБРЕ

Муравьи хлопотали без отдыха и срока.

Их было не меньше, чем десять тысяч, и всё-таки каждый работал, по крайней мере, за десятерых.

Да и немудрено! Был уже ноябрь, а работы оставалось еще видимо-невидимо!

Первым делом надо было наглухо заделать все щели и щелочки, чтобы зимой мороз и ветер не пробрались в муравьиное жилище.

Потом нужно было обойти все кладовые и проверить,— достаточно ли в них запасов, чтобы прокормиться до весны, и хорошо ли они спрятаны.

Но это еще не все.

Надо было хорошенёко укрепить все входы и выходы на случай нападения вражеского племени.

Потом предстояло очистить от хвойных игл и сухих листьев все дорожки, ведущие к муравейнику, потому что зима — зимой, а порядок должен быть во всем.

И, наконец, надо было залезть на самые верхние ветки самых высоких деревьев и занять все сторожевые посты, чтобы не пропустить прихода зимы. Хуже нет, когда зима нагрянет внезапно. А она могла придти со дня на день.

Все самые крохотные существа, живущие на земле, торопились найти укромные места, где бы можно было спрятаться от зимы. Этим были заняты все жуки, пауки, букашки, козявки, — а их на свете 94 квинтильона, 18 квадрильонов, 400 000 трильонов, 880 000 миллионов, 954 367!

А ну-ка, попробуй, запиши это число!

Мне сказали, что их ровно столько, но я не поручусь, что это так. Может быть, их всего только 94 квинтильона, 18 квадрильонов, 400 000 трильонов, 880 000 миллионов, 954 366!

В ожидании зимы вся земля уже оделась в траур.

Деревья сбросили нарядные зеленые платья и стояли темные, понурые, печально опустив ветки.

С полей и лугов кто-то словно снял пестрые веселые ковры, и ветры — послушные слуги зимы — уже начали сыпать над землей белые пушистые снежинки.

Оцепеневшие от холода волны с жалобным бормотанием тихонько плескались у берега, пока, наконец, совсем не замолкли, уснув подо льдом.

Всюду было холодно, пасмурно, печально...

Даже тучи, проносившиеся в небе, глядя на землю, не могли удержаться от слез.

Да, это было самое ненастное время года.

И вдруг, когда никому на ум не приходила даже мысль о солнце, вдруг, пронизывая холодный воздух, блеснул солнечный луч.

Это был самый настоящий золотой солнечный луч.

Он прорвался сквозь темную тучу и заблестел на увядших стебельках цветов, на голых, безлистных деревьях, он скользя по застывшим волнам, взглянул на маленьких нахохлившихся птичек, на трудолюбивых муравьев, на все 94 квинтильона букашек, жуков, пауков — сколько их в точности, я уже позабыл, — и в одно мгновение всё кругом изменилось.

— Что это? — с удивлением сказал филин и зажмурил глаза.

Он сидел на высокой сосне и во весь голос пел гимн осени, который начинался словами: „Летний зной, ты несносен! Да здравствует осень!“

Голос у него был хриплый, скрипучий, но он всё-таки пел, — назло всему свету, — потому что ему надоело слушать жалобы и слезы о том, что лето ушло.

И как раз в это время блеснул солнечный луч.

— Что это? — снова спросил филин. — Что это за глупые шутки? Я не могу петь, когда солнце ударяет прямо в глаза, и не поручусь, что не сфальшивлю.

Муравьи тоже были недовольны.

— Это ни на что не похоже! — с возмущением говорили они.

Муравьи любили порядок во всем и считали, что раз уж лето ушло, так незачем солнцу и появляться, — особенно тогда, когда все его оплакивают.

Сами муравьи только что с большим трудом кончили нанизывать иней на листья папоротника и застывшие белые капельки, точно слезы, покрыли потемневшие, печально поникшие листья.

И тут вдруг — совершенно некстати — блеснул солнечный луч, и всё стало таять.

— Это ни на что не похоже! — говорили муравьи. — Всему должно быть свое время и место!

Но пока они ворчали, — солнечный луч убежал уже далеко.

Он скользил по черной земле всё дальше и дальше, пока не наткнулся на осиновый листок.

Сюда, под этот листок, забился полевой кузнечик. Целое лето он трещал и прыгал, нисколько не заботясь о том, что с ним будет зимой, и вот теперь лежал ослабевший от голода и холода. Он уже совсем было приготовился к смерти, как вдруг его нашел и пригрел солнечный луч.

„Наверное, зима уже кончилась, и вернулось лето“, — подумал кузнечик.

И ему стало так весело, что он снова затрещал, застрекотал и стал выкидывать такие коленца, что увядший осиновый листок и тот запрыгал вместе с ним.

А солнечный луч уже мчался дальше.

Сразбегу он упал на замерзший пруд и заскользил по светлому осеннему льду.

С самого утра тут толпилась целая ватага школьников. Мальчики катались на коньках, вычерчивая на первом льду затейливые узоры, а девочки забавлялись тем, что обламывали звонкую ледяную кромку у берега.

Всем им было очень весело.

— Не нужно ли кого-нибудь согреть? — спросил солнечный луч.

— Нет, нет, — закричали ребята, расстегивая шубки и снимая рукавицы, — нам и без того жарко!

— Пожалуйста, только не растопи лед! Нам так весело кататься на коньках!

— Что ж, если вам и без меня хорошо, я побегу дальше, — сказал солнечный луч.

И так как он бежит быстрее всех на свете, не прошло и секунды, как он был уже за сто миль от пруда и заглядывал в окно маленького домика.

В комнате около окна стояла девочка. В руках она держала цветочный горшок и плакала горькими слезами.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь тебе? — спросил солнечный луч.

— Да, да как раз ты мне и нужен,—обрадовалась девочка.—Мой миртовый отросточек совсем завял. Он так хорошо рос всё лето, а потом все листики на нем опали, и вот теперь даже стебелек начал вянуть.

— Ну, этому горю легко помочь,—сказал солнечный луч.

И он засветил так приветливо и тепло, что миртовый росток мигом ожил и выпрямился, а у девочки сразу высохли слезы.

— Ах, не можешь ли ты остаться у нас подольше,—стала просить девочка.

— Сейчас я очень тороплюсь,—сказал солнечный луч,—ведь я убежал, не спросив позволения у нашего господина—солнца. Но потерпи немного, весной я вернусь со всеми своими братьями!

Солнечный луч еще раз взглянул на позеленевший миртовый росток и понесся дальше.

Он побежал по улице, перебежал через площадь и ворвался в первое попавшееся окошко.

Тут он увидел мальчика, который грустно стоял один посреди комнаты. Старшие братья и сестры затеяли в соседней комнате какую-то веселую игру, а его в игру не приняли.

— Ты еще маленький! Только мешать нам будешь!

Мальчику было очень обидно, и он уже готов был заплакать.

И тут вдруг в комнате блеснул золотой солнечный луч. Он сразбегу наткнулся на зеркало и сразу отскочил к другой стене.

— Солнечный зайчик! Солнечный зайчик!—закричал мальчик и весело захлопал в ладоши.

А солнечный зайчик прыгнул раз, другой и выскочил в окно.

Ему надо было торопиться. Со всех сторон надвигались тучи и грозились закрыть ему дорогу домой.

И всё-таки солнечный луч не утерпел и, добежав до окраины города, заглянул еще в одно окошко.

На этот раз он попал в большую комнату, где всё было перевернуто вверх дном: ящики из комода выдвинуты, все вещи разбросаны. А по комнате сутилась старушка и в десятый раз передвигала и перекладывала всё с места на место. Старушка искала связку ключей. Только что они лежали вот здесь, на столе, а теперь точно сквозь землю провалились.

В комнате было совсем темно, спички тоже куда-то запропастились, и старушка не могла даже зажечь лампы. Она то охала, то вздыхала, а то вдруг принималась бранить какого-то Ваську, — верно, кота, — который всегда играл с ключами.

Беспорядок в комнате был такой, что даже солнечный луч не сразу мог найти ключи. Он обежал всю комнату и, наконец, наткнулся на них — они лежали на столе на самом видном месте.

— Вот они! — воскликнул солнечный луч и, словно пальцем, показал старушке на связку ключей.

— Ах, да вот же они! — обрадовалась старушка. — И спички тут же лежат! Хорошо, когда солнечный луч проглянет. Всё тогда на лад идет!

А солнечный луч подождал, пока старушка зажгла лампу, и исчез в окне.

Всё небо было уже затянуто тяжелыми, черными тучами, и только в одном месте оставалась щелочка, через которую солнечный луч мог проскочить. Хорошо, что он был такой быстрый и юркий — в одну минуту он очутился за 14 миллионов миль, у самого солнца.

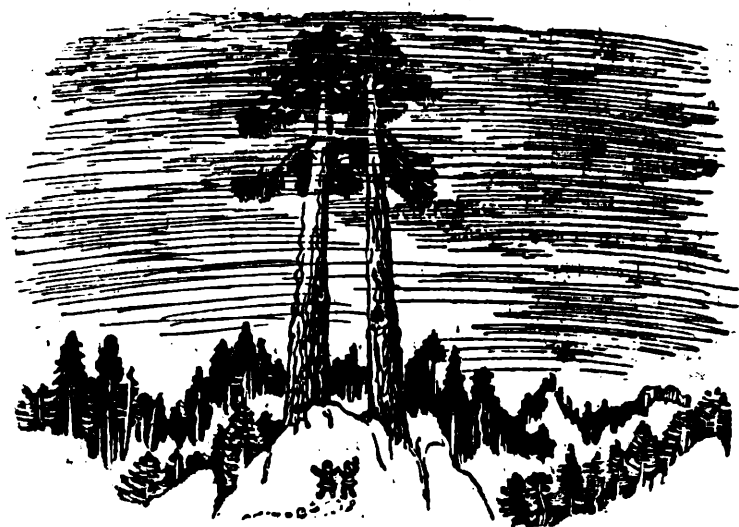
Он вернулся как раз во-время.

Тучи плотно сошлись за ним, — точно наглухо закрылись створки двери, — и нигде больше не оставалось ни входа, ни выхода.

Но солнечный луч не унывал, — он знал, что это не навсегда. Поэтому он уселся на самый край солнца и ждал только удобного случая, чтобы снова соскользнуть вниз.

И каждый раз, когда он вспоминал свое путешествие на землю в пасмурный ноябрьский день, он начинал сиять так, как будто бы уже наступило лето. И в этом нет ничего удивительного — если тебе удалось хоть немного утешить или развеселить кого-нибудь, ты можешь считать, что сделал хорошее дело!

ДВЕ СОСНЫ

Далеко-далеко на севере, в дремучем лесу, росли две огромные сосны.

Они были такие старые, такие старые, что никто — даже седой мох — не мог припомнить, были ли они когда-нибудь молоденькими, тоненькими сосенками.

Маленькие бледно-розовые цветочки вереска, которые росли в лесу, с удивлением задирали кверху свои головки и робко шептали:

— Ах, неужели и мы будем такими же большими и такими же старыми?

Весною в густых ветвях этих сосен веселые дрозды распевали свои песни. А зимой, когда птицы улетали, а лес-

ные цветы прятались под снежное одеяло, две сосны, будто два великана, сторожили лес.

Зимняя буря с шумом проносилась по вершинам деревьев, сметала снег с веток, выла и гудела так, что весь лес в страхе склонялся перед ней. И только сосны-великаны всегда стояли твердо и прямо, и никакой ураган не мог заставить их склонить головы.

А ведь если ты такой сильный и крепкий, — это что-нибудь да значит!

Неподалеку от леса, где росли эти сосны, на самой опушке, был небольшой пригорок, а на пригорке стояла маленькая хижина, крытая дерном.

В этой хижине жил старый лесник со своей женой.

Зимой старик рубил лес и возил бревна на лесопильный завод, — поэтому у него всегда было немного денег, чтобы купить хлеб и масло. А летом он разводил огород, — поэтому в доме у него всегда водилась картошка и капуста.

У лесника и его жены было двое детей — мальчик и девочка.

Мальчика звали Сильвестром, а девочку Сильвией.

Однажды — это было зимой, в самую стужу — брат и сестра пошли в лес, чтобы посмотреть, не попался ли какой-нибудь зверек или птица в силки, которые они расставили еще с вечера.

И верно, в силок Сильвестра попался белый заяц, а в силок Сильвии — белая куропатка. Ни живы, ни мертвы от страха, заяц и куропатка сидели в силках и ждали своей участи.

— Отпусти меня, — пролопотал заяц, когда Сильвестр подошел к нему.

— Отпусти меня, — пропищала куропатка, когда Сильвия наклонилась над ней.

Сильвестр и Сильвия очень удивились. Они никогда еще не слышали, чтобы лесные звери и птицы говорили человеческим языком.

Им стало так жалко зайца и куропатку, что они решили их выпустить.

Ну и обрадовались же бедные пленники, когда Сильвестр и Сильвия распутали силки!

— Просите у великанов, о чем хотите! — крикнул заяц на скаку и помчался в глубь леса.

— Великаны всё вам дадут, о чем вы ни попросите! — прокричала куропатка на лету и, шумно захлопав крыльями, скрылась из виду.

И снова в лесу стало совсем тихо.

Сильвестр и Сильвия молча переглянулись.

— Про каких это великанов говорили заяц с куропаткой? — сказала, наконец, Сильвия. — Я никогда не слыхала, что в этом лесу есть великаны.

— И я тоже никогда не слыхал, — сказал Сильвестр.

— Пойдем отсюда, — сказала Сильвия и потянула брата за рукав. — А то великаны еще рассердятся, когда увидят нас здесь.

Но тут вдруг налетел ветер, вершины старых сосен зашумели, и в их шуме Сильвестр и Сильвия ясно услышали голоса.

— Ну, что, дружище, держишься еще? — спросила сосна у своей соседки.

— Держусь, — загудела в ответ другая сосна. — А ты как, старина?

— Что-то слабею я. Нынче вот ветер обломил у меня верхнюю ветку. Видно, совсем старость пришла.

— Грешно тебе жаловаться! — прошелестела в ответ сосна. — Тебе ведь всего только триста семьдесят лет, а вот мне уже триста восемьдесят восемь стукнуло!

И она тяжело вздохнула.

— Да, много мы видели на своем веку, — прошептала сосна — та, что была помоложе. — Давай-ка споем про старину, ведь нам с тобой есть о чем вспомнить.

Буря бушевала в лесу, и сосны, качаясь, запели свою песню:

Мы скованы стужей, мы в снежном плену!
Бушует и буйствует вьюга.
Под шум ее клонит нас, древних, ко сну,
И давнюю видим во сне старину —
То время, когда мы, два друга,
Две юных сосны, поднялись в вышину
Над робкою зеленью луга.

Фиалки у наших подножий цвели,
Белили нам хвою метели,
И тучи летели из мгlistой дали,
И бурей рушило ели,
Мы к небу тянулись от мерзлой земли,
И нас ни столетья согнуть не могли,
Ни бури сломить не хотели.

— Да, много нам довелось видеть на своем веку, — сказала сосна — та, что была постарше, — и тихонько закричала. — Я вот помню, как пра-прадедушка этих детей был маленьким мальчиком и играл здесь у наших корней. Ох, давно это было!

— Пойдем скорее домой, — шепнула Сильвия брату. — Я боюсь этих деревьев.

— Пойдем, — сказал Сильвестр. Ему тоже было страшно, хотя он и не говорил этого.

Но не успели Сильвия и Сильвестр отойти и трех шагов, как увидели отца. В руках у него была веревка, а за поясом топор. Лесник шел и оглядывал деревья, выбирая, какое бы повалить.

— Вот это как раз то, что мне нужно! — сказал он, останавливаясь около старых сосен. — Ну и сосны! Настоящие великаны!

И он постучал топором по старым стволам.

Но тут вдруг Сильвестр и Сильвия с криком бросились к отцу.

— Милый батюшка, — стал просить Сильвестр, — не тронь этого великана!

— Милый батюшка, и этого не тронь, — просила Сильвия. — Они оба такие старые! Они даже нашего пра-прадедушку помнят. А сейчас они пели нам песню.

— Что за глупости вы говорите! — сказал лесник. — Где это видано, чтобы деревья пели! А вот вашего пра-прадедушку они, и правда, могли видеть. Ведь такие старики! Ну, ладно, пусть стоят, раз вы так просите. Может, они вам еще что-нибудь интересное расскажут.

И он пошел дальше, в глубь леса, а Сильвестр и Сильвия остались возле старых сосен. Им хоть и было немного страшно, но всё-таки очень захотелось послушать, о чем еще будут говорить лесные великаны.

Ждать им пришлось недолго.

Скоро вернулся ветер. Он только что был на мельнице и так яростно крутил ее крылья, что искры от жерновов дождем сыпались во все стороны. И сейчас он налетел на вершины сосен с такой силой, словно ему и тут надо было ворочать жернова.

Старые ветви загудели, зашумели, заговорили.

— Вы спасли нам жизнь, — говорили сосны-великаны. — Просите же теперь у нас, что хотите, и всякое ваше желание исполнится.

Сильвестр и Сильвия так обрадовались, что принялись даже плясать. Да и немудрено! Ты только представь себе, что по первому твоему слову может сбыться всё, что тебе хочется! Есть от чего радоваться и плясать!

Но когда Сильвестр и Сильвия стали думать, что бы им попросить у старых сосен, ничего не шло им на ум, словно им и желать было нечего.

Наконец, Сильвестр сказал:

— Я бы хотел, чтобы хоть ненадолго выглянуло солнце, а то в лесу совсем не видно тропинок. Того и гляди, заблудишься!

— Да, да, и я бы хотела, чтобы стало немного теплее и чтобы скорее растаял снег, — сказала Сильвия. — А то каж-

дый день я проваливаюсь в сугробы, и валенки у меня всегда мокрые.

— Ах, что за безрассудные дети! — зашелестели сосны. — Ведь вы могли пожелать столько прекрасных вещей. И богатство, и наряды, и почести, и слава — всё было бы у вас, а вы просите о том, что сбудется и без вашей просьбы. Но всё равно, ваше желание должно быть исполнено. Где бы ты ни находился, Сильвестр, на что бы ни взглянул, всюду будет сиять солнце. И какое бы слово ты ни сказала, Сильвия, куда бы ни пошла, всюду вокруг тебя будет цвести весна.

— Ах, это больше, чем мы хотели, — закричали Сильвестр и Сильвия. — Спасибо вам, милые сосны! — И они весело побежали домой.

По дороге Сильвестр, как всегда, оглядывался, высматривая куропаток, и — странное дело! — в какую бы сторону он ни поворачивался, всюду блестел ясный луч солнца.

— Смотри, смотри! Солнце выглянуло! — крикнула Сильвия брату.

И едва успела она открыть рот, как снег кругом растаял, повсюду стали пробиваться зеленые ростки, а высоко в небе послышалась первая песнь жаворонка.

— Ах, как это весело! — закричали в один голос Сильвестр и Сильвия.

И чем дальше они бежали, тем теплее светило солнце, тем ярче зеленели трава и деревья.

— Мне светит солнце! — закричал Сильвестр, вбегая в дом.

— Ну, солнце всем светит, — сказала мать.

— Я могу растопить снег! — закричала Сильвия.

— Это всякий сумеет, — сказала мать и засмеялась.

Но прошло немного времени, и она заметила что-то неладное. На дворе уже совсем стемнело, наступил вечер, а в избушке у них всё еще как будто светило солнце. И так было до тех пор, пока Сильвестру не захотелось спать и глаза у него не закрылись.

А Сильвия никак не могла угомониться. Она болтала безумолку, и в доме вдруг так потянуло весенним теплым

воздухом, что даже веник в углу начал зеленеть, а петух — совсем не ко времени — принялся петь на своем насесте. И он пел до тех пор, пока Сильвии не надоело болтать и она не заснула крепким сном.

— Послушай, отец, — сказала лесничиха мужу, когда тот вернулся домой, — боюсь я, не околдовал ли кто наших детей. Что-то чудное делается у нас в доме!

— Вздор! — сказал лесник. — Ну, какие теперь колдуны! Это когда наши прадедушки и прабабушки жили, колдуны водились на свете. А теперь их и в помине нет! Вот лучше ты послушай, что я тебе скажу. Завтра король и королева собственными персонами прибудут в наш город. Они ездят по всей стране и осматривают свои владения. Как ты думаешь, не отправиться ли и нам с детьми в город встречать короля с королевой?

— Что ж, я не прочь, — сказала лесничиха, — ведь не каждый день в наши места приезжают король и королева собственными персонами.

На другой день, рано утром, старик заложил сани, и все тронулись в путь. По дороге только и было разговора, что про короля и королеву, и никто не заметил, что всё время ярко светило солнце (хотя небо было обложено низкими тучами) и что деревья по обеим сторонам дороги покрывались почками и зеленели (хотя мороз был такой, что вороны и те замерзали на лету).

В городе, на самой большой площади, перед ратушей, былолюдно, как в ярмарочный день, — народ съехался со всех соседних деревень, со всех хуторов. Но лица у всех были испуганные, и все с опаской поглядывали на большую дорогу. Говорили, что король и королева очень недовольны: куда бы они ни приехали — всюду снег, всюду холодно. Королева чуть не отморозила пальчик на ноге и поэтому теперь всё время топаёт ногами.

И вот на дороге показались королевские сани. Сверху донизу они были разукрашены золотом, и даже упряжь и попоны на лошадях были раззолочены.

Сани быстро приближались и, наконец, въехали на самую площадь. Тут король приказал кучеру остановиться, чтобы переменить лошадей.

Король сидел, сердито нахмурив брови, и ни на кого не глядел, а королева сейчас же принялась топтать ногами.

Народ на площади так и замер от страха.

И вдруг король поднял голову, посмотрел по сторонам — туда, сюда — и превесело рассмеялся, совсем так, как смеются все люди.

— Посмотрите-ка, ваше величество, — обратился он к королеве, — как приветливо светит солнце. Право, здесь не так уж плохо.

— Это вам кажется, ваше величество, потому что вы изволили хорошо позавтракать, — сказала королева. — Впрочем, я тоже нахожу, что здесь не так уж плохо. — И она слегка улыбнулась.

— Нет, положительно, это прелестное место! Взгляните, как ярко освещает солнце вон те две сосны, что виднеются вдалеке.

— Да, да, очень мило, — согласилась королева и на минуту перестала топтать ногами. — Вообще здесь совсем неплохой климат. Посмотрите-ка, по календарю — январь, а деревья и кусты покрываются зелеными листьями, как в мае. Даже старая изгородь цветет. Это уж совсем невероятно!

Ничего невероятного в этом не было. Просто Сильвестр и Сильвия взобрались на изгородь, чтобы лучше разглядеть короля и королеву. Сильвестр вертелся во все стороны, — поэтому солнце так и сияло вокруг, а Сильвия болтала, ни на минуту не закрывая рта, — поэтому даже засохшие жерди в старой изгороди дали свежие ростки и покрылись листвой.

— Что это за дети сидят там на изгороди? — сказала королева, взглянув на Сильвестра и Сильвию. — Пусть они подойдут ко мне.

Сильвия и Сильвестр очень обрадовались, что могут совсем близко рассмотреть короля и королеву. Они

мигом соскочили с изгороди и подбежали к королевским саням.

— Послушайте, — сказала им королева, — вы мне очень нравитесь, потому что, когда я смотрю на вас, мне делается весело. А я люблю, чтобы меня веселили. Хотите жить в моем дворце? Я одену вас в бархат и золото, вы будете есть на хрустальных тарелках и пить из серебряных стаканов. Ну что, согласны?

— Простите, ваше величество, — сказала Сильвия, — но нам неплохо живется и в нашей хижине.

— И потом мы не можем оставить наших великанов, — сказал Сильвестр.

— А нельзя ли их взять во дворец? — милостиво сказала королева. Она была в отличном расположении духа и нисколько не сердилась, что ей возражают.

— Нет, это невозможно, — ответили Сильвестр и Сильвия. — Они живут в лесу. И они очень старые. Одному великану триста семьдесят лет, а другому триста восемьдесят восемь.

— Чего только не выдумают дети! — воскликнули в один голос король и королева и при этом так дружно рассмеялись, словно они были не король и королева, а самые обыкновенные люди.

— Ну, хорошо, — сказала королева, — тогда я велю построить тут дворец, и вы будете каждый день приходить ко мне в гости. Ваше величество, — обратилась она к королю, — прикажите распрягать коней, мы остаемся здесь.

Сказано — сделано. Каменщики и плотники сейчас же принялись строить дворец. В знак своей милости королева приказала раздать всем по мятному прянику, а Сильвия и Сильвестр получили, кроме того, огромный крендель, который испек сам королевский булочник. Крендель этот был такой большой, что с трудом поместился на санях.

На обратном пути лесничиха шепнула мужу:

— Слушай, старик, а ведь я правду говорила!

— Это ты про что? — спросил лесник.

— Да ведь околдовал кто-то наших детей. Неужто ты сам не видишь? Куда они ни повернутся, на что ни взглянут,—солнце так сразу и засветит. Да посуди сам, где это видано, чтобы зимой цвели деревья и чтобы королева так милостиво разговаривала с деревенскими детьми? Уж я знаю, что тут колдовство замешано. Боюсь, как бы не вышло беды.

— Пустое ты говоришь,—сказал лесник.—Ну, что за беда, если на наших детей всем весело смотреть? Вот, если бы они всех до слёз доводили,—это, и верно, была бы беда!

А Сильвестр и Сильвия несколько не удивились, что король и королева так милостиво разговаривали, потому что они никогда раньше не имели дела с королями. А то, что в пасмурный день светило солнце и посреди зимы всё цвело, тоже ничуть не удивило их—уж если сосны-великаны обещали, что так будет, значит, так и должно быть.

На другой день, не успели Сильвия и Сильвестр проснуться, как за ними пришли королевские слуги. Королева опять была очень сердита. Она приказала разбить около дворца сад и сейчас же посадить цветы, но, конечно, цветы сразу померзли.

Королева топала на всех ногами и, в конце концов, сказала, что если через полчаса не покажется солнце и всё не расцветёт, она уедет отсюда, а всех жителей накажет.

Но в это время пришли Сильвестр и Сильвия. Сразу заблестело солнце, зазеленели деревья, и королева снова сменила гнев на милость. Но всё-таки она решила прогнать своего придворного садовника и на его место назначила Сильвестра и Сильвию. И верно, они справлялись со своим делом лучше всякого самого учёного садовника. Никто не умел ухаживать за цветами так хорошо, как они. Ни в одном королевстве, ни у одного короля не было такого красивого сада!

Да и немудрено! Ведь ни один—даже самый могущественный—король не может заставить солнце взойти хоть на минуту раньше положенного срока. А Сильвестру и Сильвии

солнце светило всегда, когда они хотели. Поэтому в саду у них всё цвело и зеленело так, что любо было смотреть!

Прошло много лет.

Однажды — это было поздней осенью — Сильвестр и Сильвия отправились в лес, чтобы навестить своих старых друзей и снова послушать их песни.

В лесу бушевала буря, в темных вершинах сосен завывал и гудел ветер, и, качаясь, сосны пели свою песню:

Стоим, как бывало, крепки и стройны.
Лишь снег нас оденет, и стает.
И смотрим, два друга, две старых сосны,
Как в мире сменяются зелень весны,
И снег, что белей горюстая,
Как тучи проходят, дождями полны,
И птички проносятся стаи.

Взгляните — всегда наша зелень густа
На зависть березам и вязам.
Зима не оставит на них ни листа, —
Как вид их тогда безобразен!
Нам зелени вечной дана красота.
Щадят ее годы. И буря люта,
А нас не повергнуть ей наземь.

Так буйствуй же, буря, бушуй и лютуй!
Тебе не сломить нас...

Но в это самое мгновение внутри стволов что-то затрещало, закрипело, и со страшным треском сосны повалились на землю.

Как раз в этот день одной сосне исполнилось триста семьдесят пять лет, а другой триста девяносто три года. Что ж тут удивительного, что ветер, наконец, осилил их?

Сильвестр и Сильвия ласково потрепали седые, поросшие мхом, стволы, и такими добрыми словами помянули своих друзей-великанов, что бледнокрасные цветы вереска не утrepели и выглянули из-под земли. И так много их было, что

скоро они закрыли стволы старых сосен от самых вершин до самых корней.

Эту историю о двух соснах-великанах и о Сильвестре и Сильвии я слышал давным-давно.

Было ли так на самом деле или нет—я и сам хорошенько не знаю. Но если я не знаю, и ты не знаешь, и никто не знает,—кто же может сказать, что знает больше меня!

А я знаю хорошо, что когда на сердце весело и легко, тогда и солнце всюду светит, тогда и старый веник расцветает, точно куст сирени.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Дважды два — четыре</i>	<i>3</i>
<i>Канут-музыкант</i>	<i>13</i>
<i>Подарок морского царя</i>	<i>31</i>
<i>Сампо-Лопарчёнок</i>	<i>54</i>
<i>Солнечный луч в ноябре</i>	<i>75</i>
<i>Две сосны</i>	<i>83</i>

Цена 5 руб.
Переплёт 1 руб.

